

Валерий Брюсов

Девятая камена

Сборник при жизни автора не был издан. Одной из причин стало «несоответствие духу времени».

Содержание

НАЕДИНЕ С СОБОЙ	0008
ОЖИДАНИЯ	0008
ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ	0009
ЛИШЬ БЕЗМЯТЕЖНОГО МИРА...	0011
ОЖЕРЕЛЬЯ ДНЕЙ	0012
О СЕБЕ САМОМ	0014
В ДНИ КРАСНЫХ ЗНАМЕН	0017
МОЛИТЕСЬ	0017
К ПЕТРОГРАДУ	0018
ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ	0020
НА УЛИЦАХ (Февраль 1917 г.)	0022
В МАРТОВСКИЕ ДНИ	0024
СТОЛП ОГНЕННЫЙ	0026
СВОБОДА И ВОЙНА	0028
ИЗ ДНЕВНИКА	0029
ПРЕД ЗРЕЛИЩЕМ ВОЙНЫ	0032
ОРЕЛ ДВУГЛАВЫЙ	0032
ПРОТИВОРЕЧИЯ	0034
ПАДШИЕ ЦАРИ	0036
РЫБЬЕ ПРАЗДНЕСТВО	0038
РАЗГОВОР	0040
ТРИДЦАТЫЙ МЕСЯЦ	0045
В АРМЕНИИ	0047
К АРМЯНАМ	0047
К АРМЕНИИ	0050

БАКУ	0051
В ТИФЛИСЕ	0053
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ	0055
К АРАРАТУ	0057
АРАРАТ ИЗ ЭРИВАНИ	0058
В БАКУ	0060
ТИГРАН ВЕЛИКИЙ 95—56 гг. до р. Х	0061
ПОБЕДА ПРИ КАРРАХ 53 г. до р. Х	0063
МЕЖ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ	0065
ЗОЛОТОЙ ОЛЕНЬ	0065
МЫ — СКИФЫ	0067
ИЗРЕЧЕНИЯ	0069
ТАЙНА ДЕДА	0070
ДРАМА В ГОРАХ Надпись к гравюре	0072
ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЗВЕРИ Итальянский аполог XII века (неизвестного автора)	0073
В СТРАНЕ МЕЧТЫ	0079
ПОСЛЕДНИЕ ПОЭТЫ	0079
СЧАСТИЕ УЕДИНЕНИЯ	0084
ГОРОД СЕСТЕР ЛЮБВИ Видение	0086
В РЕАЛЬНОСТИ	0088
ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР	0088
УГОЛКИ УЛИЦЫ	0089
ДАМА ТРЕФ	0090
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ КАРТИНКА	0092
ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ	0093
В ЦЫГАНСКОМ ТАБОРЕ	0095
ВИДЕНЬЯ ГОРОДА	0096

НА ЛАДОГЕ	0097
В РОДНЫХ ПОЛЯХ	0099
СНЕЖНАЯ РОССИЯ	0099
УТРЕННЯЯ ТИШЬ	0100
РОДНЫЕ ЦВЕТЫ	0101
МРАМОРНАЯ АРКА	0105
ЛЕСНЫЕ ТРОПИНКИ	0107
В ГАМАКЕ	0108
ПО ГРИБЫ	0109
СВЯТОГОР	0110
ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ	0111
ВДОЛЬ МОРЯ	0112
ТУСКЛАЯ КАРТИНКА	0114
НОЧЬЮ	0115
НОЧЬ	0115
НОЧЬЮ У РЕКИ	0116
ВОСХОД ЛУНЫ	0118
ЗАКАТНЫЙ ВЕТЕР	0119
НОЧНОЙ ГНОМ	0120
НОЧНЫЕ СТРАХИ	0121
НА ЗАКАТНОМ ПОЛЕ	0122
БЛИЗ МИЛЫХ УСТ	0124
ЭТО — НАДГРОБНЫЕ НЕНИИ...	0124
ПРИВЕТ ЧЕРЕЗ ЗВЕЗДЫ	0125
TRIONFO DELLA MORTE	0126
ПОСЛЕДНЕЕ СЧАСТЬЕ	0127
ОПЯТЬ МГНОВЕНИЯ	0129
НАД ВЕЧНОЙ ТАЙНОЙ	0132

МАРФА И МАРИЯ	0132
ВЫХОДЫ	0133
УЙДИ УВЕРЕННО	0136
ПЕРЕШЕДШИЕ — ОСТАВШИМСЯ	0137
СОНЕТ К СМЕРТИ	0139
В АЛЬБОМАХ	0140
МЫ	0140
В АЛЬБОМ Н***	0141
П. И. ПОСТНИКОВУ	0142
К. А. КОРОВИНУ	0143
КЛАВДИИ НИКОЛАЕВНЕ ***	0144
ОВ. ИОАННИСИАНУ В альбом	0145
И. ТУМАНЬЯНУ Надпись на книге	0145
МОЕ УПОРСТВО	0146
ПОСЛЕДНИЙ СПОР Из дневника	0147
РОКОВОЙ РЯД Венок сонетов	0149
1. ЛЕЛЯ	0149
2. ТАЛЯ	0150
3. МАНЯ	0151
4. ЮДИФЬ	0152
5. ЛАДА	0153
6. ТАНЯ	0154
7. ЛИЛА	0155
8. ДИНА	0156
9. ЛЮБОВЬ	0157
10. ЖЕНЯ	0158
11. ВЕРА	0159
12. НАДЯ	0160

13. ЕЛЕНА	0161
14. ПОСЛЕДНЯЯ	0162
15. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ	0163
16. КОДА	0164

Валерий Брюсов
ДЕВЯТАЯ КАМЕНА
1915–1917

Пора! перо покоя просит!

.....

*На берег радостно выносит
Мою ладью девятый вал.
Хвала вам, девяти Каменам!
Пушкин*

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

ОЖИДАНИЯ

Нет! ожидания еще не иссякли!
Еще не вполне
Сердце измучено. Это не знак ли —
Поверить весне?
Нет! ожидания еще не иссякли!
Но только на дне
Скорбной души, как в святом табернакле,
Молчат в тишине.
Нет! ожидания еще не иссякли!
В какой же стране,
В поле, в чертоге иль в сумрачной сакле
Им вспыхнуть в огне?
Нет! ожидания еще не иссякли!
И, друг старине,
Будущей жизни черчу я пентакли
При вещей луне.
Нет! ожидания еще не иссякли!
Я, словно вовне,
Вижу трагедии, вижу миракли,
Сужденные мне.

Нет! ожиданья еще не иссякли!
Прильну, как во сне,
К милым устам, на веселом ценакле
Забудусь в вине.
Да! ожиданья еще не иссякли!
Я верю! — зане
Иначе бросить желанней (не так ли?)
И жизнь Сатане!
2 сентября 1916

ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ

Безбрежность восторга! бездонность печали!

Твои неизмерные пропасти, страсть!
Из них открывается в жизни — едва ли
Десятая часть!

А если нас горе и счастье венчали,
Все в прошлое пало, как в алчную пасть,
И в памяти скудно хранится — едва ли
Десятая часть!

Мы жили, любили, искали, встречали,
Чтоб верить и плакать, чтоб славить и
клясть;

Но радостных встреч нам досталась — едва

Десятая часть!

Нас миги любви, как качели, качали;
Взлетали мы к небу, чтоб жалко упасть...

Но, в перечне длинном, взлетаний — едва
ли

Десятая часть!

Что ж пряжу мгновений, теперь, как вна-
чале

Еще мы упорно стараемся прясть?

Совьется желаемой нити — едва ли

Десятая часть!

И пусть мы, певцы, о себе не молчали!

Что может и песен певучая власть?

Всех мук уцелеет в напеве — едва ли

Десятая часть!

15 октября 1916

ЛИШЬ БЕЗМЯТЕЖНОГО МИРА...

Лишь безмятежного мира жаждет душа, наконец,

Взором холодным окину блеск и богатства Офира,

С гордым лицом отодвину, может быть, царский венец.

Жаждет душа без желаний лишь безмятежного мира.

Надо? — из груди я выну прежнее сердце сердце.

Что мне напев ликований, шум беспечального пира,

Что обольщенья лобзаний женских под звоны колец!

Прочь и певучая лира! Больше не ведать кумира,

Быть обращенным во льдину, быть обращенным в свинец!

В благостном холоде стыну, пью из святого потира

Тайну последних молчаний, сшедший с арены борец.

Прошлое прошлому кину! Лишь безмятеж-

ного мира,

Лишь раствориться в тумане жаждет душа,
наконец!

29 августа 1916

ОЖЕРЕЛЬЯ ДНЕЙ

Пора бы жизнь осмыслить, подытожить;
Уже в былом — сороковой порог,
И, если дни на счет годов помножить,
Пятнадцать тысяч превзойдет итог.
Но эти тысячи, порой несчастных,
Порой счастливых, пережитых дней,—
Как ожерелья белых, синих, красных,
Зеленых, желтых, всех цветов огней!
И эти бусы жгут и давят шею,
По телу разливают острый яд.
Я погасить их пламя не умею,
И в ночь и днем они меня язвят...
Какие камни сбросить мне? Не вас ли,
Рубины алые, где тлеет страсть?
Беру их в руку... Но давно погасли,
Как жемчуга, они. За что ж их клясть!
Так вас, быть может, яркие алмазы,
Вас, тайные, преступные мечты?
Нет! в ясном свете, вы — слепые стразы,

Обманнный блеск поддельной красоты!
Так, значит, вас, глубокие опалы,
Воспоминая скорби и могил?
Нет, нет! и вы — цветок уже завялый,
И ваш огонь стал мертвым и остыл!
А вы, исканья бога, аметисты?
И вы, сапфиры вдумчивых стихов?
Сверкал из вас, в былом, огонь лучистый,
Но вы теперь — лишь груз холодных слов!
Так что ж палит? Вы, скромные агаты?
Ты, нежная, святая бирюза?
Ты, гиацинт? — случайные утраты,
Мелькнувшие в вечерней мгле глаза,
Сны недовиденные встреч мгновенных,
Губ недоласканных прощальный суд?
Что жжет еще меж зерен драгоценных?
Смарагд? топаз? лал? оникс? изумруд?
Всмотрюсь, — и блекнет блеск великолепий:

На белых нитях — только тусклый груз...
Но эти нити сжали жизнь, как цепи,
Палят, как угли, звенья длинных бус!
И жаль порвать уборы ожерелий:
Палим, люблюсь ими я в тиши...
Пусть каждый камень мертв: они горели,

Горят и ныне — в тайниках души!
Май 1916

О СЕБЕ САМОМ

Хвала вам, девяти Каменам!
Пушкин

Когда мечты любви томили
На утре жизни, — нежа их,
Я в детской книге «Ювенилий»
Влил ранний опыт в робкий стих.
Мечту потом пленили дали:
Японский штрих, французский севр,
Все то, об чем века мечтали,—
Чтоб ожил мир былой — в «Chefs d'Oeuvre».
И, трепет неземных предчувствий
Средь книг и беглых встреч тая,
Я крылий снам искал в искусстве
И назвал книгу: «Это — я!»
Но час настал для «Третьей Стражи».
Я, в шуме улиц, понял власть
Встающих в городе миражей,
Твоих звенящих зовов, страсть!
Изведав мглы блаженств и скорби,
Победы пьяность, смертный страх,

Я мог надменно «Urbi et Orbi»
Петь гимн в уверенных стихах.
Когда ж в великих катастрофах
Наш край дрожал, и кликал Рок,—
Венчая жизнь в певучих строфах,
Я на себя взложил «Венок».
В те дни и юноши и девы
Приветом встретили певца,
А я слагал им «Все напевы»,
Пленяя, тайной слов, сердца,
Но, не устав искать, спокойно
Я озираю сцепленья дней,
Чтоб пред людьми, в оправе стройной,
Поставить «Зеркало Теней».
Я ждал себе одной награды,—
Предаться вновь влеченью снов,
И славить мира все улады,
И «Радуги» все «семь цветов»!
Но гром взгремел. Молчать — измена,
До дна взволнован мой народ...
Ужель «Девятая Камена»
Победных песен не споет?
А вслед? Конеч ли долгим сменам?
Предел блужданьям стольких лет?
«Хвала вам, девяти Каменам!»

Но путь укажет Мусагет!
Март 1917

В ДНИ КРАСНЫХ ЗНАМЕН

МОЛИТЕСЬ

Молитесь о праздничных розах,
О лилиях чистых молитесь,
О реющих летом стрекозах,
О призраках, виденных в грезах,
О всем бесполезном — молитесь!
Да высшая милость не минет
Прекрасных видений природы!
Любовь к Красоте да не стынет!
Да будет приветливо принят
Мечтатель под стягом свободы!
Есть тайная ценность в ненужных
Мечтах, и цветах, и святынях,
И души, без тучек жемчужных,
Без песни потоков содружных,
Завянут, как пальмы в пустынях!
Нет! мало свободы и братства,
И таинства счастья — так зыбки!
Во храме творит святотатство,
Кто губит земное богатство —
Мечту, Красоту и Улыбки!

Чу! Вихрь в налетающих грозах,
Что день, нам гудит: «Берегитесь!»
Погибнут стрекозы на лозах...
Молитесь о пламенных розах,
О лилиях белых — молитесь!
Апрель 1917

К ПЕТРОГРАДУ

*...над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы...
Пушкин*

Город Змеи и Медного Всадника,
Пушкина город и Достоевского,
Ныне, вчера,
Вечно — единый,
От небоскребов до палисадника,
От островов до шумного Невского,—
Мощью Петра,
Тайной — змеиной!
В прошлом виденья прожиты, отжиты
Драм бредовых, кошмарных нелепостей;
Душная мгла
Крыла злодейства...

Что ж! В веке новом — тот же ты, тот же ты!

Те же твердыни призрачной крепости,

Та же игла

Адмиралтейства!

Мозг всей России! с трепетом пламенным,

Полон ты дивным, царственным помыслом:

Звоны, в веках,

Славы — слышнее...

Как же вгнездились в черепе каменном,

В ужасе дней, ниспосланных Промыслом,

Прячься во прах,

Лютые змеи?

Вспомни свой символ; Всадника Медного!

Тщетно Нева зажата гранитами,

Тщетно углы

Прямы и строги:

Мчись к полосе луча заповедного,

Злого дракона сбросив копытами

В пропасти мглы

С вольной дороги!

1916

ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ

Освобожденная Россия,—
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости — жива!
Как много раз, в былые годы,
Мы различали властный зов;
Зов обновленья и свободы,
Стон-вызов будущих веков!
Они, пред нами стоя, грозно
Нас вопрошали: «Долго ль ждать?
Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать.
Пусть вам тяжелый жребий выпал:
Вы ль отречетесь от него?
По всем столетьям Рок рассыпал
Задачи, труд и торжество!»
Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп среди долгой тьмы?
С восторгом первый гул суровый,—
Обвала гул признали мы.
То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь, под голос грома,

Сорвался и летит обвал!
И тем, кто в том работал, — слава!
Не даром жертвы без числа
Россия, в дни борьбы кровавой
И в дни былого, принесла!
Не даром сгибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и в снегах!
Их смертный стон был гимн отчизне,
Их подвиг оживет в веках!
Как те, и наше поколение
Свой долг исполнило вполне.
Блажен, въявь видевший мгновенья,
Что прежде грезились во сне!
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала, — наконец!
1 марта 1917

НА УЛИЦАХ (Февраль 1917 г.)

На улицах красные флаги,
И красные банты в петлице,
И праздник ликующих толп;
И кажется: властные маги
Простерли над сонной столицей
Туман из таинственных колб.
Но нет! То не лживые чары,
Не призрак, мелькающий мимо,
Готовый рассеяться вмиг!
То мир, осужденный и старый,
Исчез, словно облако дыма,
И новый в сияньи возник!
Всё новое — странно-привычно;
И слитые с нами солдаты,
И всюду алеющий цвет,
И в толпах, над бурей столичной,
Кричащие эти плакаты,—
Народной победе привет!
Те поняли, те угадали...
Не трудно учиться науке,
Что значит быть вольной страной!

Недавнее кануло в дали,
И все, после долгой разлуки,
Как будто вернулись домой.
Народ, испытавший однажды
Дыханье священной свободы,
Пойти не захочет назад:
Он полон божественной жажды,
Ее лишь глубокие воды
Вершительных прав утолят.
Кольшутся красные флаги...
Чу! колокол мерно удары
К служенью свободному льет...
Нет! То не коварные маги
Развеяли тайные чары:
То ожил державный народ!

2 марта 1917

В МАРТОВСКИЕ ДНИ

Мне жалко, что сегодня мне не пятнадцать лет,

Что я не мальчик дерзкий, мечтательный поэт,

Что мне не светит в слове его начальный свет!

Ах, как я ликовал бы, по-детски опьянен,
Встречая этот праздник, ступень иных вре-
мен,

Под плеском красных флагов, — увенчан-
ных знамен!

Пусть радостью разумной мечта моя пол-
на,

Но в чувстве углубленном нет пьяности
вина,

Оно — не шторм весенний, в нем глуби-
на — ясна.

Да, многое погибло за сменой дней-веков:
Померк огонь алмазный в сверканья мно-
гих слов,

И потускнели краски не раз изжитых снов.
Душа иного алчет. На медленном огне
Раскалены, сверкают желания на дне.

Горит вулкан подводный в безмолвной
глубине.

Прошедших и грядущих столетий вижу
ряд;

В них наши дни впадают, как в море водо-
пад,

И память рада слышать, как волны волн
шумят!

Приветствую Свободу... Чего ж еще хотеть!
Но в золотое слово влита, я знаю, медь:
Оно, звуча, не может, как прежде, мне зве-
неть!

Приветствую Победу... Свершился приго-
вор...

Но, знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки,
Раздор.

Нет, не могу безвольно сливаться с этим
днем!

И смутно, как былые чертоги под холмом,
Сверкают сны, что снились в кипеньи мо-
лодом!

И втайне жаль, что нынче мне не пятна-
дцать лет,

Чтоб славить безраздумно, как юноша-по-

эт,

Мельканье красных флагов и красный,
красный цвет!

3 марта 1917

СТОЛП ОГНЕННЫЙ

Не часто радует поэта
Судьба, являя перед ним
Внезапно — столп живого света,
Над краем вспыхнувший родным!
Такой же столп, во время оно,
Евреев по пустыне вел:
Был светоч он и оборона,
Был стяг в сраженьях и глагол!
При блеске дня — как облак некий,
Как факел огненный — в ночи,
Он направлял, чрез степь и реки,
В обетованный край — мечи.
Когда ж враги военным станом
Раскинулись в песках нагих,
Пред ними столп навис туманом:
Для этих — мрак, свет — для других!
И, с ужасом в преступном взоре,
Металась грозная толпа:
И конь и всадник сгибли в море,

При свете пламенном столпа.
Се — тот же столп пред нами светит,
В страну желанную ведет;
Спроси, где путь, — и он ответит,
Иди, — он пред тобой пойдет!
Наш яркий светоч, — тьмой и дымом
Он ослепил глаза врагов,
Они метались пред незримым,
Тонули в мгле морских валов.
Но путь далек! К обетованной
Еще мы не пришли земле,
Смотри же днем на столп туманный,
На огненный смотри во мгле!
Чтоб совершились ожиданья,
Мы соблюсти должны Завет:
Да не постигнут нас блужданья
Еще на сорок долгих лет!
О, страшно с высоты Хорива
Узреть блестящего тельца...
Пусть властью одного порыва,
Как ныне, бьются все сердца!

4 марта 1917

СВОБОДА И ВОЙНА

Свобода! Свобода! Восторженным кликом
Встревожены дали холодной страны:
Он властно звучит на раздольи великом
Созвучно с ручьями встающей весны.
Россия свободна! Лазурь голубее,
Живительней воздух, бурливей река...
И в новую жизнь бесконечной аллеей
Пред нами, приветно, раскрылись века.
Но разве сознание не мучит, не давит,
Что, в радости марта, на празднике верб,
Весны и свободы не видит, не славит
Поляк, армянин, и бельгиец, и серб?
В угрюмых ущельях, за зеркалом Вана,
Чу! лязганье цепи, удар топора!
Там тысячи гибнут по слову султана,
Там пытки — забава, убийство — игра.
А дальше, из глубы Ускюба, с Моравы,
Не те же ли звоны, не тот же ли стон?
Там с ветром весенним лепечут дубравы
Не песенки страсти, — напев похорон.
В развалинах — башни Лувена и Гента,
Над родиной вольной — неистовый гнет...
Германских окопов железная лента

От мира отрезала целый народ,
А ближе! в родной нам, истерзанной Польше!

Нет воли всмотреться, немеет язык...

О, как же гордиться и праздновать дольше,

Катить по просторам восторженный клик?

Довольно! Не кончено дело свободы,

Не праздник пред нами, а подвиг и труд,

Покуда, в оковах, другие народы,

С надеждой на нас, избавления ждут!

22 марта 1917

ИЗ ДНЕВНИКА

1. ПОЛНО

Полно! Не впервые
Испытанья Рок
Подает России:
Беды все — на срок.
Мы татарской воле
Приносили дань:
Куликово поле
Положило грань.
Нас гнели поляки,
Властвуя Москвой;
Но зажег во мраке

Минин факел свой.
Орды Бонапарта
Нам ковали ков;
Но со снегом марта
Стаял след врагов.
Для великих далей
Вырастает Русь;
Что мы исчерпали
Их, — я не боюсь!
Знаю: ждет нас много
Новых светлых дней:
Чем трудней дорога,
Тем привал милей!
Июнь 1917

2. ПОТОП

Людское море всколыхнулось,
Взволновано до дна;
До высей горных круч коснулась
Взметенная волна,
Сломила яростным ударом
Твердыни старых плит,—
И ныне их теченьем ярим
Под шумы бури мчит.
Растет потоп... Но с небосвода,
Приосеня прах,

Как арка радуги, свобода
Гласит о светлых днях.
Июнь 1917

ПРЕД ЗРЕЛИЩЕМ ВОЙНЫ

ОРЕЛ ДВУГЛАВЫЙ

Бывало, клетотом тревожа целый мир
И ясно озарен неугасимой славой,
С полуночной скалы взлетал в седой эфир
Орел двуглавый.
Перун Юпитера в своих когтях он нес
И сеял вокруг себя губительные громы,
Бросая на врагов, в час беспощадных гроз,
Огней изломы.
Но с диким кобчиком, за лакомый кусок
Поспорив у моря, вступил он в бой без че-
сти,
И, клюнутый в крыло, утрюм, уныл и
строг,
Сел на насесте.
Пусть рана зажила, — все помня о былом,
Он со скалы своей взлетать не смеет в до-
лы,
Лишь подозрительно бросает взор кругом,
Страшась крамолы.
Пусть снова бой идет за реки, за моря,

На ловлю пусть летят опять цари пернатых;

Предпочитает он, чем в бой вступать, — царя,

Сидеть в палатах.

Но, чтоб не растерять остаток прежних сил,

Порой подьёмлет он перун свой, как бывало...

И грозной молнией уж сколько поразил
Он птицы малой!

И сколько вокруг себя он разогнал друзей,
Посмевших перед ним свободно молвить
слово:

Теперь его завет один: «Дави и бей
Всё то, что ново!»

Бывало, пестунов он выбирать умел,
Когда он замышлял опять полет гигантский,

Потемкин был при нем, Державин славу пел,

Служил Сперанский.

Но пустота теперь на северной скале;

Крыло орла висит, и взор орлиный смутен,
А служит птичником при стихнувшем ор-

ле

Теперь Распутин.

10 июля 1914

ПРОТИВОРЕЧИЯ

1. ПЕСНИ

Нет таких дней, когда песни — не нужны:
Тают печали в лучах красоты.

И на иконах есть венчик жемчужный,
И на могилах сажают цветы.

— Но почему же сегодня не дружны
С песней раздумья и с рифмой мечты?
Пусть по полям окровавленным гневно
Рыщут зубастые звери Войны!

Буйствует Жизнь и без них каждодневно,
Губит жестоко и в дни тишины.

— Но почему же не реют напевно
Грустные думы и черные сны?

Молнии минут, и гром отгрохочет,
Новое солнце над миром взойдет,
Вечен лишь тот, кто поет и пророчит
Вечную тайну нездешних высот!

— Но почему же мой голос не хочет
Вечное петь в этот сумрачный год?

9 декабря 1915

2. ЛЮБИМЫЕ МЕЛОЧИ

О пять к любимым мелочам,
Я думал, жизнь меня принудит:
К привычным песням и речам...
Но сны мрачны, и по ночам
Меня невольный трепет будит.
Хочу забыть, — забыть нельзя.
Во мраке лики роковые
Стоят, насмешливо грозя,
И кровью залита стезя,
Твоя, — скорбящая Россия!
Мысль говорит: «Твоих стихов
Что голос, еле слышный, может?
Вернись к напевам прежних строф!»
Но, словно гул колоколов,
Призыв таинственный тревожит.
9 декабря 1915

ПАДШИЕ ЦАРИ

*Властью некий обаянны,
До восшествия зари,
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари.
Ф. Тютчев «Альпы»*

*Французский летчик, утром сбросив
бомбы в Германии, и полудню достиг
Милана.
(Сообщение штаба. Ноябрь 1916 г.)*

Я смотрел, в озареньи заката,
Из Милана на профили Альп,
Как смотрели, на них же, когда-то
Полководцы в дни Пиев и Гальб;
Как назад, не предвидя позоров,
Горделиво смотрел Ганнибал;
И, тот путь повторивший, Суворов,—
Победители кручей и скал;
Как смотрели владыки вселенной,
Короли и вожди, — иль, скорей,
Как наш Тютчев смотрел вдохновенный,
Прозревавший здесь «падших царей».
Альпы! гордые Альпы! Вы были

Непреложным пределом земли,
И пред вами покорно клонили
Свой увенчанный гнев короли...
Но взнеслись небывалые птицы,
Зачирикал пропеллер с высот,
Презирая земные границы,
Полетел через Альпы пилот.
На заре он в Германии сеял
Разрушительный град сквозь туман,
А к полудню в Италии реял,
Восхищая союзный Милан.
Долго вы, день за днем, век от века,
Воскресали в пыланьи зари,
Но пришло торжество человека...
Преклоняйтесь, бывые цари!

1916

РЫБЬЕ ПРАЗДНЕСТВО

Пусть царит уныние где-то на земле!
Беспечально празднество рыб в Па-де-Кале!

В залах малахитовых водного дворца
Собрались, по выводкам, толпы без конца:
Здесь акулы грузные, окуни, трески,
Рыбешки летучие, пестрые бычки.
Малые, огромные, все плывут, спешат...
Светит электричеством, в коридорах, скат;
Сверху светит водоросль, пышный канде-
лябр:

Сколько блесков, отблесков, и чешуи, и
жабр!

Будут пляски разные, и потехи ждут:
Там, на гряде раковин, позабавит спрут;
В хижине коралловой хор морских конь-
ков

Пантомимой пламенной увлечет без слов;
Рядом, для поклонников олимпийских
муз,

Разыграет Демеля труппа из медуз.
А под утро самое, предварив разъезд,
Выведен с процессией пятипалых звезд,

Скажет с красной кафедры, жёстами всех
лап,

Речь громоподобную многоумный краб;

Объяснит, что праведно был прославлен
днесь

Тот, кто кормит тщательно мир подвод-
ный весь,

Что сему кормителю так давно пора

Хоть клешней качанием прокричать:

«Ура!»

Что все бури, отмели и огонь твой, Эльм!

Славься между рыбами царь торпед —
Вильгельм!

11 апреля 1916

РАЗГОВОР

*«Не хвались еще заране!»—
Молвил старый Шат.
М. Лермонтов «Спор»*

У подножья башни древней
Море Черное шумит;
Все любовней, все безгневней
Другу старому твердит:
«Как тебе не надоело
Столько медленных веков
В полусне глядеть без дела
На игру моих валов?
Я ведь помню все бывшее,
Дед далеких времена.
Сколько раз сходились в бое
В этом месте племена!
Ты еще здесь не стояла,
Здесь другой был, древний град;
Но я здесь не раз внимало,
Как мечи о щит стучат.
А когда на скат угрюмый
Стала твердой ты стопой,—
Помнишь снова: крики, шумы,

Гулы схватки боевой?
Иль другие вспомни были,
Как со; всех концов земли
К этим камням подходили,
В пестрых флагах, корабли!
Как твой град был славен в мире,
И смотрел мой хмурый вал —
В императорской порфире
Твой владыка выезжал!
Или всё, как сон вчерашний,
Ты не хочешь вспоминать?
Иль тебе не скучно, башне,
В тихой лености дремать?»
Волны шепчут, вея гривой,
О преданьях давних лет...
Морю Черному лениво
Башня древняя — в ответ:
«Не забыла я бывшего,
Помню битвы и пиры!
Но не видеть людям снова
Славной, сказочной поры!
Битвы в мире отшумели,
Нет былых, великих дел.
Иль народы одряхлели,
Или край наш постарел.

Не придут с заката солнца,
В сталь и меч облечены,
Дерзким сонмом македонцы,
Принося разгул войны.
На утесы и в долины
Не поскачут на конях
В белых ризах бедуины
С криком радостным: „Аллах!“
И давно с высот Ирана
К нам сойти не хочет рать,
Чтобы с ратями султана
Переведаваться опять.
Дремлют турки, и армяне
Свыклись с игом вековым...
Правда, видела в тумане
Я вчера огонь и дым,
Да еще ко мне недавно
Подходил безвестный флот,
Погрозил мне своенравно,
Но исчез в просторах вод.
Верно, это все — пустое:
Люди стихли, присмирив.
Дай же мне дремать в покое,
Слушать волн твоих напев!»
Но у камней башни древней

Море Черное шумит,
Все любовней, все напевней
Другу старому твердит:
«Что корить людей Востока,
И Царьград, и Тегеран!
Разливаюсь я широко,
Вижу много разных стран.
Ах, немало проспала ты!
Будь не так дружна со сном,
Слышать ты могла б раскаты
Новых битв и новый гром!
Не ленись хоть оглянуться!
Много див увидишь ты.
Скоро страшно содрогнутся
Эти доли и хребты.
Север новой, грозной бурей
В нашу сторону дохнул.
Видишь: отблеск на лазури?
Слышишь: отдаленный гул?
Возвращаются бывшие,
Роковые времена,
И под громы боевые
Ты проснешься ото сна!»
Все настойчивей, напевней
Море Черное гудит

У подножья башни древней...
Та проснулась, та глядит.
И уже весь край в смятеньи:
Пламя, залпы, крики, шум...
Видит: в смутном отдаленьи
Вновь свободен Эрзерум.
Видит: войско с горных кручей,
Сквозь туман и через снега,
Сходит к морю черной тучей,
Гонит радостно врага.
И, крепя собой отряды,
Что идут вдоль берегов,
Броненосные громады
Режут синий строй валов.
В рое вымпелов с крестами
Потемнел Эвксинский понт...
Миг — и русскими войсками
Занят древний Требизонт.

7 апреля 1916

ТРИДЦАТЫЙ МЕСЯЦ

Тридцатый месяц в нашем мире
Война взметает алый прах,
И кони черные валькирий
Бессменно мчатся в облаках!
Тридцатый месяц, Смерть и Голод,
Бродя, стучат у всех дверей:
Клеймят, кто стар, клеймят, кто молод,
Детей в объятьях матерей!
Тридцатый месяц, бог Европы,
Свободный Труд — поработчен;
Он роет для Войны окопы,
Для Смерти льет снаряды он!
Призывы светлые забыты
Первоначальных дней борьбы,
В лесах грызутся троглодиты
Под барабан и зов трубы!
Достались в жертву суесловью
Мечты поработченных стран:
Тот опьянел бездонной кровью,
Тот золотом безмерным пьян...
Борьба за право стала бойней;
Унижен, Идеал поник...
И все нелепей, все нестройней

Крик о победе, дикий крик!
А Некто темный, Некто властный,
Событий нити ухватив,
С улыбкой дьявольски-бесстрастной
Длит обескрыленный порыв.
О горе! Будет! будет! будет!
Мы хаос развязали. Кто ж
Решеньем роковым рассудит
Весь этот ужас, эту ложь?
Пора отвергнуть призрак мнимый,
Понять, что подменили цель...
О, счастье — под напев любимый
Родную зыблить колыбель!
Январь 1917

В АРМЕНИИ

К АРМЯНАМ

Да! Вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.
Все бури, все волненья мира,
Летя, касались вас крылом,—
И гром глухой походов Кира,
И Александра бранный гром.
Вы низили, в смятеньи стана,
При Каррах римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;
Нередко вас клонили бури,
Как вихри — нежный цвет весны,—
При Чингис-хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.
Но, — воин стойкий, — под ударом
Ваш дух не уступал Судьбе,—
Два мира вокруг него не даром
Кипели, смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Ширази,
И блеск Гомерова огня.
И уцелел ваш край Наирский
В крушеньях царств, меж мук земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.
Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа,—
И, ключ божественной улады,
Нетленный в переменах лет,
На светлом пламени Эллады
Зажженный — ваших песен свет!
И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали обликом суровым
Для нас таинственных времен.
Но то, что было, вечно живо,
В былом — награда и урок,
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.
А мы, великому наследью

Дивясь, обеты слышим в нем...
Так! Прошлое тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.
И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев,
Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве высшем съединит!

23 января 1916

Тифлис

К АРМЕНИИ

В тот год, когда господь сурово
Над нами длань отяготил,
Я, в жажде сумрачного крова,
Скрываясь от лица дневного,
Бежал к бесстрастию могил.
Я думал: божескую гневность
Избуду я в святой тиши:
Смирит тоску седая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит недуги души.
Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрел.
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы,
И смерти луг — в цветах расцвел.
Не мертвым голосом былины,
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: Живи!
Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков,
Во славу благостной природы,

Любви, познания и свободы,
Песнь, цепь ломающих, рабов.
Армения! Твой древний голос—
Как свежий ветер в летний зной!
Как бодро он взвивает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!
9 декабря 1915

БАКУ

Холодно Каспию, старый ворчит;
Длится зима утомительно-долго.
Норд, налетев, его волны рябит;
Льдом его колет любовница-Волга!
Бок свой погрееет усталый старик
Там, у горячих персидских предгорий...
Тщетно! вновь с севера ветер возник,
Веет с России метелями... Горе!
Злобно подымет старик-исполин
Дряхлые воды, — ударит с размаху,
Кинет суда по простору пучин...
То-то матросы натерпятся страху!
Помнит старик, как в былые века
Он широко разлегался на ложе...
Волга-Ахтуба была не река,

Моря Азовского не было тоже;
Все эти речки: Аму, Сыр-Дарья,
Все, чем сегодня мы карты узорим,
Были — его побережий семья;
С Черным, как с братом, сливался он мо-
рем!

И, обойдя сонм Кавказских громад,
Узким далеко простершись проливом,
Он омывал вековой Арарат,
Спал у него под челом горделивым.
Ныне увидишь ли старых друзей?
Где ты, Масис, охранитель ковчега?
Так же ли дремлешь в гордыне своей?
— Хмурится Каспий, бьет в берег с разбега.
Всё здесь и чуждо и ново ему:
Речки, холмы, города и народы!
Вновь бы вернуться к былому, к тому,
Что он знавал на рассвете природы!
Видеть бы лес из безмерных стволов,
А не из этих лимонов да лавров!
Ждать мастодонтов и в глуби валов
Прятать заботливо ихтиозавров!
Ах, эти люди! Покинув свой прах,
Бродят они средь зыбей и в туманах,
Режут валы на стальных скорлупах,

Прыгают ввысь на своих гидропланах!
Всё ненавистно теперь старику:
Всё б затопить, истребить, обесславить,—
Нивы, селенья и это Баку,
Что его прежние глубы буравит!
25 января 1917
Баку

В ТИФЛИСЕ

Увидеть с улицы грохочущей
Вершины снежных гор,—
Неизъяснимое пророчащий
Зазубренный узор;
Отметить монастырь, поставленный
На сгорбленный уступ.
И вдоль реки, снегами сдавленной,
Ряд кипарисных куп;
Вступив в толпу многоодежную,
В шум разных языков,
Следить чадру, как дали, снежную,
Иль строгий ход волов;
Смотреть на поступи верблюжие
Под зеркалом-окном,
Где эталажи неуклюжие
Сверкают серебром;

Пройдя базары многолюдные,
С их криком без конца,
Разглядывать остатки скудные
Грузинского дворца;
В мечтах восставить над обломками
Пленителен: молвы:
Тамары век, с делами громкими,
И век Саят-Новы;
Припоминать преданья пестрые,
Веков цветной узор,—
И заглядеться вновь на острые
Вершины снежных гор.

1916

Тифлис

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

1

Море, прибоем взмязеженным,
К рельсам стальным, оприбреженным,
Мечет лазурную гладь;
Дали оттенком изнеженным
Манят к путям неисслеженным...
Но — время ль с морем мечтать!
Мчимся к вершинам оснеженным
Воздухом свеже-разреженным
В жизни опять подышать!
Январь 1916
Петровск-порт

2

Искры потоками сея,
В сумрак летит паровоз.
Сказочный край Прометея
Кажется призраком грез.
Дремлют вершины, белея...
Там поникал на утес
Демон, над Тереком рея...
Ах!.. Не дыхания роз
Жду! — Различаю во тьме я

Море безбрежное слез.

Январь 1916

Долина Куры

3

Разноодежная, разноплеменная,

Движется мерно толпа у вокзала:

Словно воскресла былая вселенная,

Древняя Азия встала!

Грязные куртки и взоры воителей,

Поступь царя и башлык полурваный.

Реют воочию души властителей:

Смбаты, Аршаки, Тиграны...

1916

Елисаветполь

К АРАРАТУ

Благодарю, священный Хронос!
Ты двинул дней бесцветных ряд —
И предо мной свой белый конус
Ты высишь, старый Арарат!
В огромной шапке Мономаха,
Как властелин окрестных гор,
Ты взнесся от земного праха
В свободный, голубой простор.
Овеян ласковым закатом
И сизым облаком повит,
Твой снег сияньем розоватым
На кручах каменных горит.
Внизу, на поле в белых росах,
Пастух с тесьмой у дряхлых чресл,
И, в тихом свете, длинный посох
Похож на Авраамов жезл.
Вдали — убогие деревни,
Уступы, скалы, камни, снег...
Весь мир кругом — суровый, древний,
Как тот, где опочил ковчег.
А против Арарата, слева,
В снегах, алея, Алагяз,
Короной венчанная дева

Со старика не сводит глаз.

1916

Эчмиадзин

АРАРАТ ИЗ ЭРИВАНИ

Весь ослепительный, весь белый,
В рубцах задумчивых морщин,
Ты взнес над плоскостью равнин
Свой облик древле-онемелый,
Накинув на плечи покров
Таких же белых облаков.
Внизу кипят и рукоплещут
Потоки шумные Зангу;
Дивясь тебе, на берегу
Раины стройные трепещут,
Как белых девственниц ряды,
Прикрыв застывшие сады.
С утеса, стены Саардара,
Забыв о славе прошлой, ждут,
Когда пройдет внизу верблюду,
Когда домчится гул с базара,
Когда с мурлыканьем купец
Протянет блеющих овец.
Но ты, седой Масис, не слышишь
Ни шумных хвал, ни нужд земных,

Ты их отверг, ты выше их,
Ты небом и веками дышишь,
Тебе шептать — лишь младший брат
Дерзает — Малый Арарат.
И пусть, взглянув угрюмо к Югу,
Как древле, ты увидишь вновь —
Дым, сталь, огни, тела и кровь,
Миры, грозящие друг другу:
Ты хмурый вновь отводишь лоб,
Как в дни, когда шумел потоп.
Творенья современник, ведал
Ты человечества конец,
И тайну новых дней — Творец
Твоим седидам заповедал:
Встав над кровавостью равнин,
Что будет, — знаешь ты один.

Январь 1916

Эривань

В БАКУ

Стыдливо стучатся о пристань валы
Каспийского моря,
Подкрашенной пеной — и выступ скалы,
И плиты узора,
На рейде ряды разноцветных судов
Качаются кротко,
И мирно дрожит на волненьи валов
Подводная лодка.
Сплетается ветер с январским теплом,
Живительно-свежий,
И ищет мечта, в далеке голубом,
Персидских прибрежий.
Там розы Шираза, там сад Шах-наме,
Газели Гафиза...
И грезы о прошлом блистают в уме,
Как пестрая риза.
Привет тебе, дальний и дивный Иран,
Ты, праотец мира,
Где некогда шли спарапеты армян
За знаменем Кира...
Но мирно на рейде трепещут суда
С шелками, с изюмом;
Стыдливо о пристань стучится вода

С приветливым шумом;
На улице быстрая смена толпы,
Покорной минуте,
И гордо стоят нефтяные столпы
На Биби-Эйбуте.
24 января 1916
Баку

ТИГРАН ВЕЛИКИЙ **95—56 гг. до р. X**

В торжественном, лучистом свете,
Что блещет сквозь густой туман
Отшедших вдаль тысячелетий,—
Подобен огненной комете,
Над миром ты горишь, Тигран!
Ты понял помыслом крылатым
Свой век, ты взвесил мощь племен,
И знамя брани над Евфратом
Вознес, в союзе с Митридатом,
Но не в безумии, как он.
Ты ставил боевого стана
Шатры на всех концах земных:
В горах Кавказа и Ливана,
У струй Куры, у Иордана,

В виду столиц, в степях нагих.
И грозен был твой зов военный,
Как гром спадавший на врагов:
Дрожал, слыша, парф надменный,
И гневно, властелин вселенной,
Рим отвечал с семи холмов.
Но, воин, ты умел Эллады
Гармонию и чару чтить;
В стихах Гомера знал улады,
И образ Мудрости-Паллады
С Нанэ хотел отождествить!
Ты видел в нем не мертвый идол;
Свою заветную мечту,
Вводя Олимп в свой храм, ты выдал:
Навек — к армянской мощи придал
Ты эллинскую красоту!
И, взором вдаль смотря орлиным,
Ты видел свой народ, в веках,
Стоящим гордо исполином:
Ты к светлым вел его годинам
Через войны, через тоску и страх...
Когда ж военная невзгода
Смела намеченный узор,—
Ты помнил благо лишь народа,
Не честь свою, не гордость рода,—

Как кубок яда, пил позор.
Тигран! мы чтим твой вознесенный
И лаврами венчанный лик!
Но ты, изменой угнетенный,
Ты, пред Помпеем преклоненный
Во имя родины, — велик!
11 декабря 1916

ПОБЕДА ПРИ КАРРАХ 53 г. до р. X

Забуть ли час, когда у сцены,
Минуя весь амфитеатр,
Явился посланный Сурены,
С другой, не праздничной арены,—
И дрогнул радостью театр!
Актер, играя роль Агавы,
Из рук усталого гонца
Поспешно принял символ славы,
Трофей жестокий и кровавый
С чертами римского лица.
Не куклу с обликом Пенфея,
Но вражий череп взнес Ясон!
Не лживой страстью лицедея,
Но правым гневом пламенея,

Предстал пред зрителями он.
Подобен воинскому кличу
Был Еврипида стих живой:
«Мы, дедовский храня обычай,
Несем из гор домой добычу,
Оленя, сбитого стрелой!»
Катясь, упала на подмости,
Надменный Красе, твоя глава.
В ответ на стук, глухой и жесткий,
По всем рядам, как отголоски,
Прошла мгновенная молва.
Все понял каждый. Как в тумане,
Вдали предстало поле Карр,
И стяг армянский в римском стане...
И грянул гул рукоплесканий,
Как с неба громовой удар.
В пыланьи алого заката,
Под небом ясно-голубым,
Тем плеском, гордостью объята,
Благодарила Арташата
Царя, унизившего Рим!

1916

МЕЖ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

*Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной проворной рукою.
К. Бальмонт*

ЗОЛОТОЙ ОЛЕНЬ

*Золотой олень на эбеновой подставке,
китайская статуэтка XIV в, до р. X из
собрания И. С. Остроухова*

Кем этот призрак заколдован?
Кто задержал навеки тень?
Стоит и смотрит, очарован,
В зубах сжав веточку, олень.
С какой изысканностью согнут
Его уверенный хребет!
И ноги тонкие не дрогнут,
Незримый оставляя след.
Летят века в безумной смене...
Но, вдохновительной мечтой,
На черно-блещущем эбене
Зверь неподвижен золотой.

Золотошерстный, златорогий,
Во рту с побегом золотым,
Он гордо говорит: «Не трогай
Того, что сделалось святым!
Здесь — истина тысячелетий,
Народов избранных восторг.
Лишь вы могли, земные дети,
Святыню выставить на торг.
Я жду: возвращеньем не случайным
Мой, давний, возвратится день,—
И вам дорогу к вечным тайнам
Укажет золотой олень!»
Февраль 1917

МЫ — СКИФЫ

Мы — те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские ми-
фы:

Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Ехидны, — скифы.
Вкруг моря Черного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:
К верховьям Тигра иль к низовьям Истра.
Мы ужасали дикой волей мир,
Горя зловеще, там и здесь, зарницей:
Пред нами Дарий отступил, и Кир
Был скифской на. пути смирен царицей.
Что были мы? — Щит, нож, колчан, копье,
Лук, стрелы, панцирь да коня удила!
Блеск, звон, крик, смех, налет, — всё бытие
В разгуле бранном, в пире пьяном было!
Лелеяли нас вьюги да мороз;
Нас холод влек в метельный вихрь собы-
тий;

Ножом вино рубили мы, волос
Замерзших звякали льдяные нити!
Наш верный друг, учитель мудрый наш,

Вино ячменное живило силы:
Мы мчались в бой под звоны медных чаш,
На поясе, и с ними шли в могилы.
Дни битв, охот и буйственных пиров,
Сменяясь, облик создавали жизни...
Как было весело колоть рабов,
Пред тем, как зажигать костер, на тризне!
В курганах грузных, сидя на коне,
Среди богатств, как завещали деды,
Спят наши грозные цари; во сне
Им грезятся пиры, бои, победы.
Но, в стороне от очага присев,
Порой, когда хмелели сладко гости,
Наш юноша выделявал для дев
Коней и львов из серебра и кости.
Иль, окружив сурового жреца,
Держа в руке высоко факел дымный,
Мы, в пляске яркой, пели без конца
Неистово-восторженные гимны!

1916

ИЗРЕЧЕНИЯ

1. АФИНСКИЙ ПОДЕНЩИК ГОВОРИТ:

Что моя жизнь? лишь тоска да забота!
С утра до вечера — та же работа!
Голод и холод меня стерегут.
Даже во сне — тот же тягостный труд,
Горстка оливок да хлебная корка!
Что ж мне страшиться грозящего Орка?
Верно, на бреге Кокита опять
Буду работать и буду страдать
И, засыпая в обители Ада,
Думать, что встать до рассвета мне надо!

15 октября 1916

2. ЭПИТАФИЯ РИМСКИМ ВОИНАМ

Нас — миллионы. Всюду в мире,
Разбросан, сев костей лежит:
В степях Нумидий и Ассирии,
В лесах Германий и Колхид.
На дне морей, в ущельях диких,
В родной Кампании мы спим,
Чтоб ты, великим из великих,
Как Древо Смерти, взнесся, Рим!

1915

ТАЙНА ДЕДА

— Юноша! грустную правду тебе расскажу я:

Высится вечно в тумане Олимп многохолмный.

Мне старики говорили, что там, на вершине,

Есть золотые чертоги, обитель бессмертных.

Верили мы и молились гремящему Зевсу,
Герге, хранящей обеты, Афине премудрой,
В поясе дивном таящей соблазн — Афродите...

Но, год назад, пастухи, что к утесам привыкли,

Посохи взяв и с водой засушенные тыквы,
Смело на высь поднялись, на вершину Олимпа,

И не нашли там чертогов — лишь камни нагие:

Не было места, чтоб жить олимпийцам блаженным!

Юноша! горькую тайну тебе открываю:
Ведай, что нет на Олимпе богов — и не бу-

дет!

— Если меня испугать этой правдой ты ду-
мал,

Дед, то напрасно! Богов не нашли на Олим-
пе

Люди? Так что же! Чтоб видеть бессмерт-
ных, потребны

Зоркие очи и слух, не по-здешнему, чут-
кий!

Зевса, Афину и Феба узреть пастухам ли!
Я ж, на Олимпе не быв, в молодом перелес-
ке

Слышал напевы вчера неумолчного Пана,
Видел недавно в ручье беспечальную Ним-
фу,

Под вечер с тихой Дриадой беседовал мир-
но,

И, вот сейчас, как с тобой говорю я, — я
знаю,

Сзади с улыбкой стоит благосклонная Му-
за!

1916

ДРАМА В ГОРАХ

Надпись к гравюру

Гравюра изображает снежную метель
в пустынной горной местности;
полузасыпанный снегом, лежит труп
человека в медвежьей шубе, а поблизости
умирающий орел со стрелой в груди.
Пропел протяжный стон стрелы;
Метнулись в яркий день орлы,
Владыки круч, жильцы скалы,
Далеко слышен гул полета;
Как эхо гор, в ответ из мглы
Жестоким смехом вторит кто-то.
Стрелок, одет в медвежий мех,
Выходит, стал у черных вех.
Смолк шум орлов; смолк злобный смех;
Белеет снег; в тиши ни звука...
Стрелок, продлить спеша успех,
Вновь быстро гнет упругость лука.
Но чу! вновь стоп стрелы второй.
Враг, стоя за крутой горой,
Нацелил в грудь стрелка, — и строй
Орлов опять метнулся дико.

Стрелок упал; он, как герой,
Встречает смерть без слов, без крика.
Багряный ток смочил снега,
Простерты рядом два врага...
Тишь гор угрюма и строга...
Вдали, чуть слышно, взвыла вьюга...
Вей, ветер, заметай луга,
Пусть рядом спят, навек, два друга!
1916

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЗВЕРИ

Итальянский аполог XII века

(неизвестного автора)

У светлой райской двери,
Стремясь в Эдем войти,
Евангельские звери
Столпились по пути.
Помногу и по паре
Сошлись, от всех границ,
Земли и моря твари,
Сонм гадов, мошек, птиц,
И Петр, ключей хранитель,
Спросил их у ворот:
«Чем в райскую обитель

Вы заслужили вход?»
Ослять неустрашимо:
«Закрыты мне ль врата?
В врата Иерусалима
Не я ль ввезла Христа?»
«В врата не впустят нас ли?»
Вол мыкнул за волом:
«Не наши ль были ясли
Младенцу — первый дом?»
Да стукнув лбом в ворота:
«И речь про нас была:
„Не поит кто в субботу
Осла или вола?“»
«И нас — с ушком игольным
Пусть также помянут!» —
Так, гласом богомольным,
Ввернул словцо верблюду.
А слон, стоявший сбоку
С конем, сказал меж тем:
«На нас волхвы с Востока
Явились в Вифлеем».
Рот открывая, рыбы:
«А чем, коль нас отнять,
Апостолы могли бы
Семь тысяч напитать?»

И, гласом человека,
Добавила одна:
«Тобой же в рыбе некой
Монета найдена!»
А, из морского лона
Туда приплывший, кит:
«Я в знаменьи Ионы,—
Промолвил, — не забыт!»
Взнеслись: «Мы званы тоже!» —
Все птичьи племена,—
«Не мы ль у придорожий
Склевали семена?»
Но горлинки младые
Поправили: «Во храм
Нас принесла Мария,
Как жертву небесам!»
И голубь, не дерзая
Напомнить Иордан,
Проворковал, порхая:
«И я был в жертву дан!»
«От нас он (вспомнить надо ль?)
Для притчи знак обрел:
„Орлы везде, где падаль!“» —
Заклекотал орел.
И птицы пели снова,

Предвосхищая суд:
«Еще об нас есть слово:
„Не сеют и не жнут!“
Пролаял пес: „Не глуп я:
Напомню те часы,
Как Лазаревы струпья
Лизать бежали псы!“
Но, не вступая в споры,
Лиса, без дальних слов:
„Имеют лисы норы“, —
Об нас был глас Христов!»
Шакалы и гиены
Кричали, что есть сил:
«Мы те лизали стены,
Где бесноватый жил!»
А свиньи возопили:
«К нам обращался он!
Не мы ли потопили
Бесовский легион?»
Все гады (им не стыдно)
Твердили грозный глас:
«Вы — змии, вы — ехидны!» —
Шипя; «Он назвал нас!»
А скорпион, что носит
Свой яд в хвосте, зубаст,

Ввернул: «Яйцо коль просят,
Кто скорпиона даст?»
«Вы нас не затирайте!» —
Рой мошек пел, жужжа,—
«Сказал он: „Не собирайте
Богатств, где моль и ржа!“»
Звучало пчел в гуденьи:
«Мы званы в наш черед:
Ведь он, по воскресеньи,
Вкушал пчелиный мед!»
И козы: «Нам дорогу!
Внимать был наш удел,
Как „Слава в вышних богу!“
Хор ангелов воспел!»
И нагло крикнул петел:
«Мне ль двери заперты?
Не я ль, о Петр, отметил,
Как отрекался ты?»
Лишь агнец непорочный
Молчал, потупя взор...
Все созерцали — прочный
Эдемских врат запор.
Но Петр, скользнувши взглядом
По странной полосе,
Где змий был с агнцем рядом,

Решил: «Входите все!
Вы все, в земной юдоли,—
Лишь знак доброт и зол.
Но горе, кто по воле
Был змий иль злой орел!»
11 апреля, 1916

В СТРАНЕ МЕЧТЫ

ПОСЛЕДНИЕ ПОЭТЫ

Высокая барка, — мечта-изваянье
В сверканьи закатных оранжевых светов,—

Плыла, увозя из отчизны в изгнанье
Последних поэтов.

Сограждане их увенчали венками,
Но жить им в стране навсегда запретили...

Родные холмы с золотыми огнями
Из глаз уходили.

Дома рисовались, как белые пятна,
Как призрак туманный — громада собора...

И веяло в душу тоской необъятной
Морского простора.

Смотрели, толпясь, исподлобья матросы,
Суров и бесстрастен был взор капитана.

И барка качнулась, минуя утесы,
В зыбях океана.

Гудели валы, как; в торжественном марше,
А ветер свистел, словно гимн погребаль-

ный,

И встал во весь рост меж изгнанников
старший,

Спокойно-печальный.

Он кудри седые откинул, он руку

Невольно простер в повелительном жесте.

«Должны освятить, — он промолвил, —
разлуку

Мы песней все вместе!

Я первый начну! пусть другие подхватят.

Так сложены будут священные строфы...

За наше служенье сограждане платят

Нам ночью Голгофы!

В нас били ключи, — нам же подали оцет,

Заклать нас ведя, нас украсили в ирис...

Был прав тот, кто „esse deum“, молвил,
„посет“, [1]

Наш образ — Озирис!»

Была эта песня подхвачена младшим:

«Я вас прославляю, неправые братья!

Vae victis! [2] проклятие слабым и падшим!

Нам, сирым, проклятье!

А вам, победители, честь! Сокрушайте

Стоцветные цепи мечты, и — свободны,

Над гробом осмеянных сказок, справляйте

Свой праздник народный!»

Напевно продолжил, не двигаясь, третий:
«Хвалы и проклятий, о братья, не надо!
Те — заняты делом, мы — малые дети:
Нам песня отрада!
Мы пели! но петь и в изгнании мы будем!
Божественной волей наш подвиг нам за-
дан!

Из сердца напевы струятся не к людям,
А к богу, как ладан!»

Четвертый воскликнул: «Мы эти мгнове-
нья

Навек околдуем: да светятся, святы,
Они над вселенной в лучах вдохновенья...»
Прервал его пятый:

«Мы живы — любовью! Нет! только для
милой

Последние розы напева святого...»
«Молчанье — сестра одиночества!» — было
Признание шестого.

Но выступил тихо седьмой и последний.
«Не лучше ли, — молвил, — без горьких
признаний

И злобных укоров, покорней, бесследной
Исчезнуть в тумане?
Оставшихся жаль мне: без нежных созву-

чий,

Без вымыслов ярких и символов тайных,
Потянется жизнь их, под мрачною тучей,
Пустыней бескрайной.

Изгнанников жаль мне: вдали от любимых,
С мечтой, как компас, устремленной к далеким,

Потянется жизнь их, в пустынях палимых,
Под солнцем жестоким.

Но кто же виновен? Зачем мы не пели,
Чтоб мертвых встревожить, чтоб камни
растрогать!

Зачем не гудели, как буря, свирели,
Не рвали, как коготь?

Мы грусть воспевали иль пальчики Долли,
А нам возвышаться б, в пальбе и пожарах,
И гимном покрыть голоса в мюзик-холле,
На митингах ярых!

Что в бой мы не шли вдохновенным Тиртеем!

Что не были Пиндаром в буре гражданской
ской!..»

Тут зовы прорезал, извилистым змеем,
Свисток капитанский.

«К порядку! — воззвал он, — молчите, поэты!

Потом напоетесь, отдельно и хором!»

Уже погасали последние светы

Над темным простором.

Изгнанники смолкли, послушно, угрюмо,

Следя, как смеются матросы ответно,—

И та же над каждым прореяла дума:

«Все было бы тщетно!»

Согбенные тени, недвижны, безмолвны,

Смещались в одну под навесом тумана...

Стучали о барку огромные волны

Зыбей океана.

1917

СЧАСТИЕ УЕДИНЕНИЯ

На побережьи речки быстрой
Свой дом в уединеньи выстрой,
В долу, что защищен отвесом
Зеленых гор и. красных скал,
Поросших, по вершинам, лесом
Тяжелых многошумных буков,
Где в глубине не слышно звуков,
Где день, проникнув, задремал.
Как некий чин богослужебный,
Свершать, в рассветный час, молебны
Ты будешь — мерностью напева
Хвалебных гимнов, строгих строф;
Потом, без ропота и гнева,
До зноя, выполнять работу,
Чтоб дневную избыть заботу,—
Носить воды, искать плодов.
Чем утро будет многотрудней,
Тем слаще будет о полудне
Вкушать, по трапезе недлинной,
Покой святой, за мигом миг,
Иль, мыслью вольно-самочинной,
Под сенью царственного кедра,
Вскрывать обманчивые недра

Припомнившихся мудрых книг.
Но, только жар недолгий свалит,
И предзакатный луч ужалит
Зубцы знакомого утеса,
А по траве прореет тень,
Пойдешь ты на уклон откоса,
Куда, на голос человеческий,
Привычной ожидая встречи,
Из рощи выбежит олень.
Вечерняя прокличет птица;
Мелькнет поблизости орлица,
С зайчонком в вытянутых лапах,
Летя в гнездо, на скальный скат;
И разольется пряный запах
Обрызганных росой растений,
Да явственней вдали, сквозь тени,
Заропщет горный водопад.
В тот час наград и час возмездий,
Встречая чистый блеск созвездий,
Вдвоем с широкорогоим другом
Три чаши благ ты будешь пить:
В безлюдьи властвовать досугом,
Петь вдохновенней и чудесней
Никем не слышимые песни
И с женщиной снов не делить!

1916

ГОРОД СЕСТЕР ЛЮБВИ

Видение

*Сестры! нежные сестры! я в детстве
вам клялся навеки.*

«Все напевы»

Неспешным ровным шагом,
По кочкам, по оврагам,
Зигзаги за зигзагом,
Иду, в мечтах пою.
Внимая скрытым сагам,
Березы, пышным стягом,
Спешат пред вещим магом
Склонить главу свою.
Играет ветер свежий
Вдоль зыбких побережий,
Где брошенные мрежи
И верши — часа ждут;
Но в грезах — страны те же,
Где бродит дух все реже;
Чертоги, вышки, вежи,—
Сестер Любви приют.
Кто видел этот пестрый

Кремль, — арки, своды, ростры, —
Где вязь «Amicae nostrae» [3]
В дверь тайника влечет?
Нострдамы, Калиостры,
Да те, чей разум острый,
Ласкать любили Сестры,
Кому являли вход!
Жду вожденной встречи...
Чу! с башни слышны речи,
Во храмах блещут свечи...
Но миг — фантом исчез.
И вновь тропой овечьей,
Зигзагами поречий,
Иду вдоль синей гречи
Под пустотой небес!
1916

В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

Монетой, плохо отчеканенной,
Луна над трубами повешена,
Где в высоте, чуть нарумяненной,
С помадой алой сажа смешана.
Стоят рядами вертикальными
Домов неровные зазубрины,
По стенам — бляхами сусальными,
По окнам — золотом разубраны.
Вдоль улиц червяки трамвайные
Ползут, как узкими ущельями,
И фонари, на нити тайные
Надеты, виснут ожерельями.
Кругом, как в комнатах безвыходных,
Опризрачены, люди мечутся,
В сознании царственном, что их одних
Ночные сны увековечатся.
И крик, и звон, и многократные
Раскаты, в грохоте и топоте,
И тонут, празднично-закатные,
Лучи в нерастворимой копотии...

22 апреля 1917

УГОЛКИ УЛИЦЫ

1

Темная улица; пятнами свет фонарей;
Угол и вывеска с изображеньем зверей.
Стройная девушка; вырез причудливый
глаз;
Перья помятые; платья потертый атлас.
Шла и замедлила; чуть обернулась назад;
Взгляд вызывающий; плечи заметно дро-
жат.
Мальчик застенчивый; бледность внезап-
ная щек;
Губы изогнуты: зов иль несмелый намек?
Стал, и с поспешностью, тайно рукой ше-
веля,
Ищет в бумажнике, есть ли при нем три
рубля.

1916

2. ОНА ЖДЕТ

Фонарь дуговой принахмурился,
И стадо на миг темно;
Небоскреб угрюмо зажмурился,

Под которым жду я давно.
Белея, веют снежинки,—
Чем мошки весной, веселей.
На кресте застывают слезинки
Ледяных хрусталей.
Он сказал мне: «Приду...»
Как давно
Я жду...
Руки совсем иззябли...
Кивают в окно
Апельсины и яблоки.
1916

ДАМА ТРЕФ

Я знаю, что вы — старомодны,
Давно и не девочка вы.
Вы разбросили кудри свободно
Вдоль лица и вокруг головы.
Нашел бы придирчивый критик,
Что напрасно вы—в епанче,
Что смешон округленный щитик
У вас на правом плече,
Что, быть может, слишком румяны
Краски у вас на губах и щеке
И что сорван просто с поляны

Цветок в вашей правой руке.
Со скиптром и странной державой,
Ваш муж слишком стар и сед,
А смотрит слишком лукаво
На вас с алебардой валет.
Но зато вы — царица ночи,
Ваша масть — чернее, чем тьма,
И ваши подведенные очи
Любовь рисовала сама.
Вы вздыхать умеете сладко,
Приникая к подушке вдвоем,
И готовы являться украдкой,
Едва попрошу я о том.
Чего нам еще ждать от дамы?
Не довольно ль быть милой на миг?
Ах, часто суровы, упорны, упрямы
Дамы черв, бубен и пик!
Не вздыхать же долгие годы
У ног неприступных дев!
И я из целой колоды
Люблю только даму треф.

1915

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ КАРТИНКА

По бульвару ходят девки,
Сто шагов вперед, назад.
Парни сзади, в знак издевки,
На гармониках пищат.
Вышел лавочник дородный,
Пузо поясом стянул;
Оглядел разгул народный,
Рот себе крестя, зевнул.
Ковыляя, две старушки,
В страхе сторонясь, прошли...
Липы, с корня до верхушки,
Перекрашены в пыли.
За бульваром — два забора,
Дом, как охромевший конь.
Слева—речка, дали бора,
Феба радостный огонь.
Свечерело... Дымен, валок,
Сумрак на ветвях осел.
Скрылись стаи черных галок,
Крест собора побелел.
На скамейке, под ракитой,
Парень девку больно жмет,—
То она ворчит сердито,

То хохочет, то замрет.
Но уже давно на пыльной
Улице — молчанье царь,
И один, сетко-каильный,
Гордо светится фонарь.
1911

ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ

Ударил звон последний
Оконченной обедни;
На паперти — народ,
Кумач и ситец пестрый;
Луч солнца ярко-острый
Слепит глаза и жжет.
Как волки на овчарне,
Снуют меж девок парни;
Степенней мужики
Их подбивают к пляске.
Уже сидят в коляске
Помещицы сынки.
Вот с удочкою длинной,
Семинарист, в холстинной
Рубахе, в картузе,
А с ним учитель хмурый...
И бабы, словно дуры,

Вослед хохочут все.
Расходятся; походки
Неспешны; все о водке
Болтают меж собой,
В сторонке, где охапки
Соломы, ставя бабки,
Ведут мальчишки бой.
Луг изумрудный ярок...
Вдали — зеленых арок
Ряды и круг лесов...
Присел прохожий нищий...
А рядом, на кладбище,
Семья простых крестов.
1916

В ЦЫГАНСКОМ ТАБОРЕ

У речной изложины —
Пестрые шатры.
Лошади стреножены,
Зажжены костры.
Странно под деревьями
Встретить вольный стан —
С древними кочевьями
Сжившихся цыган!
Образы священные
Пушкинских стихов!
Тени незабвенные
Вяземского строф!
Всё, что с детства впитано,
Как мечта мечты,—
Предо мной стоит оно
В ризе темноты!
Песнями и гулами
Не во сне ль живу?
Правда ль, — с Мариулами
Встречусь наяву?
Словно сам — в хламиде я,
Словно — прошлый век.
Сказку про Овидия

Жду в толпе Алек.
Пусть кусками рваными
Виснут шали с плеч;
Пусть и ресторанами
Дышит чья-то речь;
Пусть и электрический
Над вокзалом свет!
В этот миг лирический
Скудной правды — нет!
1915

ВИДЕНЬЯ ГОРОДА

Предутреннего города виденья,
Встающие, как призраки, с угла.
В пустынном сквере мерные движенья
Солдат; огромные рога вола,
Влекущего на рынок иждивенья
Для завтрашнего барского стола;
Двух пьяниц распростертых отупенье;
Свет фонарей; свет неба; полумгла;
Во храме огоньки богослуженья,
Которым вторят вдруг колокола...
И вот, у низкой двери, с возвышенья
Ступеньки, подозрительно ала,
Ребенок-девушка, как приглашенье

Войти, кивает головой, — мила,
Как ангел в луже... Чувство сожаленья
Толкает прочь. И вслед летит хула,
Брань гнусная; а окна заведенья
Горят за шторами, как два жерла.
Там—смех, там—музыка, там—взвизги пе-
нья...

И вторят в высоте колокола.

29 июля 1916

НА ЛАДОГЕ

1. БУРЯ И ЗАТИШЬЕ

Пльвем пустынной Ладогой,
Под яркой аркой — радугой;
Дождь минул; полоса
Прозрачных тучек стелется;
Закат огнистый целится
Лучами нам в глаза.
Давно ль волной трехъярусной
Кидало челн беспарусный
И с шаткой кручи нас
Влекло во глубь отверстую?
— Вновь Эос розоперстую
Я вижу в тихий час.
Но меркнет семицветие...

Умрет закат... Раздетее
Очам предстанет синь...
Потом налягут сумраки...
— Заслышав дальний шум реки,
К Неве свой парус двинь!
1917

2. ПАРУС И ЧАЙКА

То поспешно парус складывая,
То бессильно в бездну падая,
Напряженно режа волны,
Утомленный реет челн.
Но, свободно гребни срезывая,
Рядом въется чайка резвая,
К тем зыбям летя смелее,
Где смятенье волн белей.
Вижу, не без тайной горечи,
Кто властительней, кто зорче.
Знаю: взор вонзивши рысий,
Птица мчит добычу ввысь.
1917

В РОДНЫХ ПОЛЯХ

СНЕЖНАЯ РОССИЯ

За полем снежным — поле снежное,
Безмерно-белые луга;
Везде — молчанье неизбежное,
Снега, снега, снега, снега!
Деревни кое-где расставлены,
Как пятна в безднах белизны:
Дома сугробами задавлены,
Плетни под снегом не видны.
Леса вдали чернеют, голые,—
Ветвей запутанная сеть.
Лишь ветер песни невеселые
В них, иней вея, смеет петь.
Змеится путь, в снегах затерянный:
По белизне — две борозды...
Лошадка, рысью неуверенной,
Новит чуть зримые следы.
Но скрылись санки — словно, белая,
Их поглотила пустота;
И вновь равнина опустелая
Нема, беззвучна и чиста.

И лишь вороны, стаяй бдительной,
Порой над пустотой кружат,
Да вечером, в тиши томительной,
Горит оранжевый закат.
Огни лимонно-апельсиновые
На небе бледно-голубом
Дрожат... Но быстро тени длинные
Закутывают все кругом.
1917

УТРЕННЯЯ ТИШЬ

В светлом жемчуге росинок
Чаша бледные кувшинок
Тихо светят меж тростинок,
И несчетный строй былинок,
В тех же крупных жемчугах,
Чуть трепещут вдоль тропинок
Желтым золотом песчинок,
Ярко блестящих в полях.
Зелень, блески, воздух ранний,
Травы, мирр благоуханней,
Дали, радуг осиянней,—
Что прекрасней, что желанней
Долго жаждавшей мечте?
Сердце — словно многогранней;

Исчезает жизнь в осанне
Этой вечной красоте!
Пусть наш мир зеленый минет,
Человек просторы кинет,
Дали стенами задвинет
И надменно в небо хлынет
Высота стеклянных крыш:
Но, покуда кровь не стынет,
Сердце счастья не отринет —
Ведать утреннюю тишь!
1916

РОДНЫЕ ЦВЕТЫ

1. ЛАНДЫШ

Ландыш милый, ландыш нежный,
Белый ландыш, ландыш снежный,
Наш цветок!
Встал ты меж зеленых створок,
Чтоб тебя, кто только зорок,
Видеть мог.
Колокольчики качая,
В воздухе веселом мая,
Бел и чист,
Ты, как звезды, в травах светишь,
Ты узором тонким метишь

Полный лист.

Восковой и весь нездешний,
Ты блаженней, ты безгрешней
Всех цветов.

Белый, белый, белый, белый,
Беспорочный, онемелый,
Тайный зов!

Как причастница одетый,
Ты влечешь в святые свету
Каждый взгляд,
Чтобы осенью ненастной,
Шарик странный, шарик красный,
Сеять яд.

1916

2. ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Иван-да-марья,
Цветок двойной,
Тебя, как встарь, я
Топчу ногой.
Мне неприятен
Твой вид в траве:
Ряд алых пятен
На синеве.
Но ты покорен,
Неприхотлив:

Рой черных зерен
К земле сронив,
Свой стебель темный
Ты низко гнешь,
И снова, скромный,
Потом встаешь.
Твой цвет не вянет,
Ты словно нем,
В лесу не занят
Ничем, ничем;
Ты, андрогинный,
Сам для себя
Цветок невинный
Пылишь, любя.
Нет, не случайно
Ты здесь таков:
Ты — символ тайный
Иных миров,
Нам недоступной
Игры страстей,
Еще преступной
Для нас, людей!

1916

3. ВЕНОК ИЗ ВАСИЛЬКОВ

Любо василечки
Видеть вдоль межи,—
Синенькие точки
В поле желтой ржи.
За цветком цветочек
Низко мы сорвем,
Синенький веночек
Для себя сплетем.
После, вдоль полосы,
К роще побежим.
Шепчутся березки
С небом голубым.
Сядем там на кочке...
Зной и тишина...
В голубом веночке
Высь отражена.
Песенку не спеть ли,
Притаясь в траве?
Облачка — как петли
В ясной синеве!
Локоны в веночке
Вроде облачков...
Ломки стебелечки
Синих васильков!
Там, внизу, под склоном,—

Нежный шум реки.
Здесь, в шатре зеленом,
Реют мотыльки.
Мы, как мотылечки,
Здесь укрылись в тень,
В синеньком веночке,
В жаркий летний день!
1917

МРАМОРНАЯ АРКА

В уголку далеком парка,
Солнцем залитая ярко,
Дремлет мраморная арка,—
Память пышной старины;
Вдоль по речке — ни волны;
Клены — в сон погружены;
Спит под ивами байдарка;
Спит заброшенная барка;
Полдень парит; всюду жарко;
Все о прошлом видит сны.
Заросли травой аллеи;
Глушь с годами — все темнее;
На газон вползают змеи;
Смолк иссохший водопад...
А когда-то, век назад,

Как был шумен летом сад!
Здесь вели свои затеи
Девы, с обликом камеи,
Меж красавцев, а лакеи
Ждали, выстроены в ряд;
Здесь, что день, звучало эхо
Детски радостного смеха;
За потехами потеха
Здесь меняла пестрый вид...
Век прошел, и все молчит;
Словно целый мир забыт,
Мир веселий, мир успеха!
Лишь, как сумрачная вежа,
Возле грецкого ореха
Арка мраморная спит.
1916

ЛЕСНЫЕ ТРОПИНКИ

Лесные тропинки! лесные тропинки! не раз
и не два

Вы душу манили под тихие своды дубов и
берез.

Сверкали росинки, качались кувшинки,
дрожала трава,

И в запахе гнили плелись хороводы бле-
стящих стрекоз...

И было так сладко — на землю поникнуть,
лежать одному,

И слушать, как нежно чирикают птицы
напевы свои,

И взглядом украдкой глубоко проникнуть,
сквозь травы,

во тьму,

Где, с грузом, прилежно ведут вереницы
домой муравьи.

А дятел далекий застукает четко о высох-
ший ствол,

И солнце в просветы сияние бросит, как
утром в окно...

Лежишь, одинокий, и думаешь кратко, что
дух — все

обрел,
И сердце приветом не хочет, не просит, и
все — все равно!

Май 1916

В ГАМАКЕ

В небе, слабо синеватом,
С легкой дымкой белизны,
Любо ласточкам крылатым
Сеять крики с вышины.
Веток скругленные сети,
Уловив сверканье дня,
Сами блещут в странном свете
Изумрудного огня.
Дышат ирисы чуть внятно,
Дышит, скошена, трава...
Зелень, блеск, цветные пятна,
Белизна и синева!
Что все думы! все вопросы!
Сладко зыблюсь в гамаке.
Мертвый пепел папиросы
Чуть сереет на песке.
Я до дна души приемлю
Этот вечер, этот миг,
Словно вдруг я понял землю,

Тайну вечности постиг.
Были бури, будут бури,
Но теперь — лишь тихий сад,
Словно сам, в бело-лазури,
Я, как ласточка, крылат!
1916

ПО ГРИБЫ

Ищу грибы, вскрывая палочкой
Зелено-бархатные мхи;
Любуюсь простенькой фиалочкой;
Слагаю скромные стихи.

В лесу лежат богатства грудками!
У корней тоненьких осин
Трава сверкает изумрудами
И под осинник, как рубин.
А боровик, в тени березовой,
Чуть из земли возникнув, рад
К высокой, липке бледно-розовой,
Прижаться, как большой агат.
И белый гриб (что клад достигнутый!)
Среди дубков пленяет глаз,—
На толстой ножке, пышно-выгнутый,
Блестя, как дымчатый топаз.

И, как камнями-невеличками
Осыпан в перстне бриллиант,
В корзине желтыми лисичками
Я выстилаю узкий кант.
Лягушки прыгают расчетливо,
Жужжат жуки, как в две трубы.
И собираю я заботливо
В лесу — и рифмы и грибы.
1 июня 1916

СВЯТОГОР

Сплошное кваканье лягушек
С давно заросшего пруда,—
Когда из-за лесных верхушек
Блестит вечерняя звезда;
В густеющем слегка тумане
Спокойный, ровный бег минут,
И сладкий бред воспоминаний:
Такой же час, такой же пруд...
Все то же. В тех же переливах
Края застылых облаков...
И только нет былых счастливых,
Дрожа произнесенных слов.
Так что ж! Признай свою мгновенность,
Поющий песни человек,

И роковую неизменность
Полей, лугов, холмов и рек!
Не так же ль квакали лягушки
И был зазубрен дальний бор,
Когда надменно чрез верхушки
Шагал тяжелый Святогор?
И вторит голосом лягушек,
Опять, вечерняя пора —
Раскатам громогласных пушек
На дальних берегах Днестра.
1916

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Каркайте, черные вороны,
Мытые белыми вьюгами:
По полю старые бороны
Ходят за острыми плугами.
Каркайте, черные вороны!
Истину скрыть вы посмеете ль?
Мечет, крестясь, во все стороны
Зерна по бороздам сеятель.
Каркайте, черные вороны!
Выкрики издавна слажены;
Нивы страданием ораны,
Потом кровавым увлажнены.

Каркайте, черные вороны,
Ваше пророчество! В воздухе
Грянет в упор, как укор, оно:
«Пахарь! не мысли о роздыхе!»
Каркайте, черные вороны!
Долго ль останусь на свете я?
Вам же садиться на бороны
Вновь, за столетьем столетия!
27 мая 1917

ВДОЛЬ МОРЯ

Мы едем вдоль моря, вдоль моря, вдоль моря...
Мря...

По берегу — снег, и песок, и кусты;
Меж морем и небом, просторы узора,
Идет полукруг синеватой черты.
Мы едем, мы едем, мы едем... Предгорий
Взбегает, напротив, за склонами склон;
Зубчатый хребет, озираясь на море,
За ними белеет, в снегах погребен.
Всё дальше, всё дальше, всё дальше... Мы
вторим

Колесами поезда гулу валов;
И с криками чайки взлетают над морем,
И движутся рядом гряды облаков.

Мелькают, мелькают, мелькают, в узоре,
Мечети, деревни, деревья, кусты...
Вот кладбище смотрится в самое море,
К воде наклоняясь, чернеют кресты.
Все пенные, пенные, пенные, в море
Валы затевают свой вольный разбег,
Ликуют и буйствуют в дружеском споре,
Взлетают, сметая с побережия снег...
Мы едем... Не числю, не мыслю, не спорю:
Меня покорили снега и вода...
Сбегают и нивы и пастбища к морю,
У моря по снегу блуждают стада.
Цвет черный, цвет белый, цвет синий...

Вдоль моря

Мы едем; налево — белеют хребты,
Направо синеют, просторы узоря,
Валы, и над ними чернеют кресты.
Мы едем, мы едем, мы едем! Во взоре
Все краски, вся радуга блеклых цветов,
И в сердце — томленья застывших предго-

рий

Пред буйными играми вольных валов!

1917

ТУСКЛАЯ КАРТИНКА

Под небом тускло-синеватым,
Ограждена зеленым скатом
С узором белых повилик,
Река колеблет еле внятно
По синеве стальные пятна
И зыби цвета «электрик».
Обрывки серых туч осели
К вершинам изумрудных елей
И загнутым плащам листвы;
А, ближе, ветер — обессилен
И слабо реет вдоль извилин
Болотно-матовой травы.
Черты дороги — чуть заметны,
Но к ним, как веер многоцветный,
Примкнули кругозоры нив:
Желтеет рожь, красна гречиха,
Как сталь— овес, и льется тихо
Льна синеватого разлив.
Июль 1917

НОЧЬЮ

НОЧЬ

Пришла и мир отгородила
Завесой черной от меня,
Зажгла небесные кадила,
Вновь начала богослуженье,
И мирно разрешился в пенье
Гул обессиленного дня.
Стою во храмине безмерной,
Под звездным куполом, один,—
И все, что было достоверно,
Развеяно во мгле простора,
Под звуки неземного хора,
Под светом неземных глубин.
Пусть Ночь поет; пусть мировые
Вершатся тайны предо мной;
Пусть благостной евхаристии
Торжественные миги минут;
Пусть царские врата задвинут
Все той же черной пеленой.
Причастник, прежней жизни косной
Я буду ждать, преображен...

А, сдвинув полог переносный,
Ночь — бездну жизни обнаружит,
И вот уже обедню служит
Во мраке для других племен.
1916

НОЧЬЮ У РЕКИ

Воды — свинца неподвижней; ивы безмолвно поникли;

Объят ночным обаяньем выгнутый берег
реки;

Слиты в черту расстояньем, где-то дрожат
огоньки.

Мир в темноте непостижней; сумраки к
тайнам привыкли...

Сердце! зачем с ожиданьем биться в порыве
тоски?

Мирно смешайся с преданьем, чарами сон
облеки!

Чу! у излучины нижней — всхлип непонятный... Не

крик ли?

К омуту, с тихим рыданьем, быстро взнеслись
две руки...

Миг, — над безвестным страданьем тени

опять глубоки.

Слышал? То гибнет твой ближний! Словно
в магическом

цикле

Замкнуты вы заклинаньем! словно вы
странно близки!

Словно ты проклят стенаньем — там, у да-
леко́й луки!

Воды — еще неподвижней; ветви покор-
ней поникли;

Лишь на мгновенье журчаньем дрогнули
струи реки...

Что ж таким жутким молчаньем мучат те-
перь ивняки?

1916

ВОСХОД ЛУНЫ

Белых звезд прозрачное дыханье;
Сине-бархатного неба тишь;
Ожиданье и обереганье
Лунного очарованья, лишь
Первое струящего мерцанье
Там, где блещет серебром камыш.
Эта ночь — взлелеянное чудо:
Ночь из тех узорчатых часов,
Зыблемых над спящими, откуда
Рассыпается причуда снов,
Падающих в душу, как на блюдо
Золотое — груды жемчугов.
Этот отблеск — рост непобедимой
Мелопеи, ропоты разлук;
Этот свет — предел невыразимой
Тишины, стук перлов, мимо рук
Разлетающихся — мимо, мимо,
Луциолами горящих вкруг.
Дышат звезды белые — прерывно;
Синий бархат неба — побледнел;
Рог в оркестре прогудел призывно;
Передлунный облак — дивно-бел...
В белизне алея переливно,

Шествует Лунина в наш предел.
1917

ЗАКАТНЫЙ ВЕТЕР

Веет древний ветер
В ветках вешних верб,
Сучья гнутся, ломаются.
Ветр, будь милосерд!
Ветви взвиты вверх,
Стоном их кто тронется?
Час на краски щедр:
В небе — алый герб,
Весь закат — в веселии.
Ветр, будь милосерд!
Я, как брат Лаэрт,
Плачу об Офелии.
Бледен лунный серп.
Там — тоска, ущерб;
Здесь — все светом залито.
Ветр, будь милосерд!
Кто во прах поверг,
Близ могилы, Гамлета?
Вздрагнет каждый нерв...
И из тайных недр
Память кажет облики...

Ветр, будь милосерд!
Верба, словно кедр,
Шлет на стоны отклики.
1916

НОЧНОЙ ГНОМ

Жутко в затворенной спальне.
Сердце стучит все страдальней;
Вторят часы все печальней;
Кажется: в комнате дальней
По золотой наковальне
Бьет серебром
Безжалостный гном.
Стелются гостеприимней
Сумраки полночи зимней;
В лад с молотком, все интимней
Тени поют; в тихом гимне
Ночь умоляет: «Прости мне!»
Нежная мгла
Кругом облегла.
Жутко в безжизненном доме...
Сердце изныло в истоме...
Ночь напевает... Но, кроме
Гимнов, чуть слышимых в дреме,
Бьет, утомительно — гномий

Молот в тиши,
По тайнам души...
1916

НОЧНЫЕ СТРАХИ

*И бездна нам обнажена,
С своими страхами и мглами...
Вот отчего нам ночь страшна.
Ф. Тютчев*

Как золото на черни,
Блестит, во мгле вечерней,
Диск маятника; стук
Минут в тиши размерной.
Невольно — суеверней
Глядишь во мрак, вокруг.
Ночь открывает тайны.
Иной, необычайный
Встал мир со всех сторон.
Безмерный и бескрайный...
И страхи не случайны,
Тревожащие сон.
Те страхи — груз наследий
Веков, когда медведи
Царили на земле;

Когда, копьем из меди
Наметив, о победе
Мы спорили во мгле;
Когда, во тьме пещеры,
Шагов ночной пантеры
Страшился человек...
И древние химеры,
В преданьях смутной веры,
Хранит доныне век.

1916

НА ЗАКАТНОМ ПОЛЕ

Красным закатом забрызгано поле;
Дождь из оранжевых точек в глазах;
Призрак, огнистый и пестрый до боли,
Пляшет и машет мечами в руках.
Тише! закрой утомленные веки!
Чу! зажурчали певуче струи...
Катятся к морю огромные реки;
В темных ложбинах не молкнут ручьи.
В пьяной прохладе вечернего сада
Девушка никнет на мрамор плечом...
Плачет? мечтает? — не знаю! не надо
Ведать: о ком! догадаться: о чем!
Было, иль будет, — мечта просияла,

В строфы виденье навек вплетено...
Словно, до дна, из кристалла фиала
Выпито сердцем густое вино.
Взоры открою: закатное поле,
Призрак огнистый с мечами в руках,
Солнце — багряно... Но ясен до боли
Девичий образ в усталых глазах!
Ночь 4/5 марта 1916

БЛИЗ МИЛЫХ УСТ

ЭТО — НАДГРОБНЫЕ НЕНИИ...

Это — надгробные нении в память угасших
любовей,

Мигов, прошедших в томлении у роковых
изголовий.

В дни, когда манят видения, в дни, когда
радости внове,

Кто одолел искушения страстью вскипаю-
щей крови?

Благо вам, ложь и мучения, трепет смер-
тельный в алькове,

Руки в святом онемении, болью сведенные
брови!

Благо! Вы мчали, в течении, жизни поток
до низовий...

Но океан в отдалении слышен в торже-
ственном зове.

Сердце окрепло в борении, дух мой смелей
и суровей;

Ныне склоняю колени я, крест мой беру
без условий...

Так колебался все менее ангелом призванный Товий.

Это — надгробные нении, память отшедших любовей.

1916

ПРИВЕТ ЧЕРЕЗ ЗВЕЗДЫ

Канули краски заката,
Даль синевами объята:
Словно зубцы из агата,
Сосны встают из-за ската;
Выступит скоро Геката...
Но, непорочно и свято,
Сквозь океан аромата,
Взорами нежного брата
В эту юдоль темноты
Звезды глядят с высоты.
Ищешь ли в небе и ты
Отблеск Плеяд, — как когда-то?
Знаю, что мили и мили
Нас, в этот час, разделили.
Нет за плечом моим крылий,
Чтоб полететь без усилий
В край кипарисов и лилий...
Грозные дни опалили

Сердце мое, как в горниле...
Только сверкающей пыли
Солнц и безвестных планет
Я отдаю свой привет!
Вновь мы вдвоем? или свет
Горько ответит мне: «Были!»
1916

TRIONFO DELLA MORTE[4]

Вспомни вскрики в огненной купели ласк,—
Зов смычка, поющего в метели пляск,—
И клинка, сверкнувшего у щели, лязг!
Вспомни: гнулось тело, как живая жердь;
За окном горела зарева твердь,
Но из мглы смотрела, вам кивая,—
Смерть!
Словно все открылись тайны в сладкий
миг,
Словно разрешились все загадки книг:
Молнией сверкнув, смежились в краткий
крик!
Ты вступил в неизмеримость, — в звезд-
ный сон;
Свет светил терялся, как над бездной
звон...

Для чего ж раздался бесполезный стон?
Ты стоял в просторе несказанных зал,
Меж зеркал таинственно-туманных — мал.
И вонзались в душу сотни жданных жал.
1916

ПОСЛЕДНЕЕ СЧАСТЬЕ

В гробу, под парчой серебристой, созерцал я
последнее
счастье,
Блаженство, последнее в жизни, озарен-
ной лучами заката;
И сердце стучало так ровно, без надежд,
без любви, без
пристрастья,
И факелы грустно горели, так спокойно,
так ясно, так
свято.
Я думал, безропотно верил, что навек для
меня отзвучали
Все яркие песни восторга, восклицанья
живых
наслаждений;
В мечтах я покорно поставил алтари Неиз-
менной Печали,

И душу замкнул от лукавых, как святилище,
воспоминаний.

Но в Книге Судьбы назначали письма золотые иное:

От века в ней было сказанье о магически-избранной

встрече,

И я узнаю богомольно, что нас в мире, по-прежнему, двое,

И я, как пророчество, слышу повторенные милые речи.

О, радость последнего чуда и любви безнадежно-последней!

Как яд, ты вливаешь в желанья опьянительно-жуткую

нежность.

Стираешь все прежние грезы беспощадней, чем смерть,

и бесследной,

Даешь угадать с содроганьем, что таит для людей

неизбежность!

Все то же, что нежило утром, этим вечером
жизненным

нежит,
Но знаю, что нового чуда на земле ожи-
дать не могу я,
И наши сплетенные руки только божия во-
ля развяжет,
И только с лобзанием смерти я лишусь
твоего поцелуя!
8 октября 1914

ОПЯТЬ МГНОВЕНИЯ

1. СНЕЖНЫЙ ПРИЗРАК

Томно-мятежный
Сдержанный трепет
Руки нам свяжет;
Радостной дрожью
Губы нам сцепит;
Заповедь божью
Вкрадчиво-нежный
Внутренний лепет
Тайно доскажет;
В дали безбрежной
Слитую с ложью
Правду покажет;
Образы — снежной
Статуей — слепит,—

И, безнадежный,
Дух наш к подножью
Призрака ляжет!
22 апреля 1917

2. КАЧЕЛИ

Вот опять мы уносимся, взброшенные
Беспощадным размахом качелей,
Над лугами, где блещут некошеные
Снеговые цветы асфodelей.
То — запретные сферы, означенные
В нашем мире пылающей гранью...
И сердца, содроганьем охваченные,
Отвечают безвольно качанью.
Лики ангелов, хор воспевающие,
Вопиющие истину божью,
Созерцают виденья сверкающие
С той же самой мистической дрожью.
И, свидетель их светлой восторженности,
Робко взор уклоняя незрячий,
Содрогается, в муке отторженности,
Падший дух в глубине — не иначе!
Ветер вьет одеяние жреческое,
Слабнут плечи, и руки, и ноги,
Исчезает из душ человеческое...
«Будете вы, как боги!»

3. В ЛАДЬЕ

Дрожит ладья, скользя медлительно,
На тихих волнах дрожит ладья.
И ты и я, мы смотрим длительно,
В одном объятии — и ты и я.
Встал водопад в дали серебряной,
В дыму и брызгах встал водопад...
Как будто яд, нам в тело внедренный,
Палит, сжигает... Как будто яд!
За мигом миг быстрее течение,
Все ближе бездна за мигом миг...
Кто нас настиг? Понять все менее
Способно сердце, кто нас настиг.
В водоворот, волной захваченный,
Челнок несется — в водоворот...
Ты—близко, вот! О, смысл утраченный
Всей темной жизни, ты близко, вот!

1915–1916

НАД ВЕЧНОЙ ТАЙНОЙ

МАРФА И МАРИЯ

Печемся о многом,—
Одно на потребу:
Стоять перед богом
Со взорами к небу.
Но божье — вселико,
Небесное — разно:
Бог — в буре великой,
Бог — в грани алмазной.
И в розах, и в книгах,
И в думах, и в бое,
И в сладостных мигах,
Когда нас — лишь двое.
И в каждом есть божье,
И каждый угоден,
Покинув подножье,
Войти в свет господен.
Не бойся, что много
Ты любишь, ты ценишь,
Исканиям бога
Доколь не изменишь!

ВЫХОДЫ

*Ante omnia cavl, ne quie voa teneret
invitos: patet exitue.*

Seneca[5]

Прекрасна жизнь! — Но ты, измученный,
Быть может, собственным бессильем,
Не говори, к стыду приученный,
Что тщетно мы взываем к крыльям.
Есть много роковых возможностей
Освободить мечту от власти
Житейских тягостных тревожностей,
Сомнений, унижений, страсти.
Душа, озлобленно усталая,
Томимая судьбой, как пленом!
Не даст ли отдых — стклянка малая
С латинской надписью: «venenum»? [6]
Желания, что жизнь бесплодная
В неодолимый круг замкнула,
Не отрешит ли — сталь холодная
Красиво отлитого дула?
Иль просто — мост над закрутившимся
В весенней буйности потоком,

Сулящий думам возмутившимся
Покой в безмолвии глубоком?
Что не воззвать: «Клинок отточенный,
Из ножен вырываясь, взвизгни,
И дай значенье — укороченной,
Но вольно-завершенной жизни!»
А древле-признанные способы?
Забыться в тепловатой ванне,
Чтоб все померкло, и вопроса бы:
«Сон скоро ль?» — не было желанней!
Иль, жуткими прельстясь дурманами
И выбрав путь прямой, бескровней,—
Упиться угольями рдяными
С изящной, низенькой жаровни!
А прочный шнур, надежно взмыленный,
Сжимающий любовно шею,
Чтоб голос, негой обессиленный,
В последний раз воскликнул: «Смею!»
А окна, что восьмиэтажные
Пред взором разверзают бездны?
А поездов свистки протяжные
И рельсы, — этот «путь железный»!
О! Если, с нежностью магической,
Тебе мечта твердит: «исполни!»
Подумай: в искре электрической

Затаены удары молний!
Иди, и, с мужеством сознательным,
Хоть раз один упорствуй в вере,
Не кроясь доводом предательным,
Что заперты пред нами двери!
Живите вы, чьи сны развеяны
Над роскошью пути земного!
Усталы, брошены, осмеяны,
Вы крикните: «Еще и снова!»
Но вы, на полпути поникшие,
Вы, чуждые блаженства в муке,—
Припомните уста, привыкшие
Учить бестрепетной науке!
Для вас, изведавших ничтожество
Своих надежд, сказал Сенека:
«Открытых выходов есть множество
Из тесной жизни человека!»
15 февраля 1916

УЙДИ УВЕРЕННО

Кого из жизни бури выбили,
Кто сух, как запыленный куст,
Не выдавай желанья гибели
И дум, что мир уныл и пуст,—
В словах ли сдержанных, в изгибе ли
Отвыкших улыбаться уст.
Таи, что мутными и жуткими
Часы влачатся для тебя,
Что жизнь, как жерновами, сутками
Твое сознание мнет, дробя,
Что счастлив ты лишь промежутками
Меж явью, сумрак возлюбя.
Что и во снах, порой, без жалости
Все тот же ужас бытия
Тебя гнетет в твоей усталости,
Иль тайно колет, как змея...
Прикинься, что земные малости
Отринула душа твоя.
Умей притворными улыбками
Встречать обманчивых друзей,
Грустить прилично, лишь со скрипками,
Поющими в кругу гостей;
Как кормщик, над валами зыбкими

Скользить насмешливо умея.
И, высмотрев спокойно с палубы,
Что твой последний луч погас,
Что, как поверхность ни блистала бы,
Дна не достанет водолаз,—
Ты вдруг, без выкриков, без жалобы,
Уйди уверенно от нас!
1916

ПЕРЕШЕДШИЕ — ОСТАВШИМСЯ

Мы — здесь! мы — близко! Ты не веришь?
О, бедный! о, незрячий брат!
Ты мир неверной мерой меришь!
Пойми, — чему ты верить рад:
Что бесконечна жизнь; потери ж
Обманывают только взгляд!
Твой взор не видит. Всё ж мы близко,
Вот здесь, вот там и близ тебя!
Пусть Смерть глазами василиска
Глядит, мгновенное губя:
Сияньем неземного диска
Любовь горит, всегда любя.
Усни для этой жизни косной:
В твоей руке твой карандаш
Шепнет, что есть иные весны,

И ты узнаешь голос наш.
Дух торжествует светоносный,
Твоя и наша жизнь — всё та ж!
Сейчас, вот в этот миг, не в высь ли
Твои возносятся мечты?
То мы подсказываем мысли
Тебе — из тайны темноты;
То наши помыслы нависли
Над сном твоим: им внемлешь ты!
Жить лишь до смерти — слишком мало!
Того не допустил творец.
Пути безграничны идеала,
Далеки цели и венец.
Смерть! смерть земли! твое где жало?
Жизнь! жизнь земли! твой где конец?
1916

СОNET К СМЕРТИ

Смерть! обморок невыразимо-сладкий!
Во тьму твою мой дух передаю,
Так! вскоре я, всем существом, вопью,—
Что ныне мучит роковой загадкой.
Но знаю: убаюкан негой краткой,
Не в адской бездне, не в святом раю
Очнусь, но вновь — в родном, земном
краю,

С томленьем прежним, с прежней верой
шаткой.

Там будут свет и звук изменены,
Туманно — зримое, мечты — ясны,
Но встретят те ж сомнения, как прежде;
И пусть, не изменив живой надежде,
Я волю пронесу сквозь темноту:
Желать, искать, стремиться в высоту!
22 марта 1917

В АЛЬБОМАХ

МЫ

*Мы — гребень встающей волны.
«Tertia Vigilia»*

Мы были гребень волны взнесенной...
Но белой пеной окроплены,
Мы разостлались утомленно,
Как мертвый плат живой волны.
Мы исчезаем... Нас поглощает
Волна другая, чтоб миг блеснуть,
И солнце зыби позлащает
Волн, приходящих умереть.
Я — капля в море! Назад отринут,
Кружусь в просторе, — но не исчез.
И буду бурей снова вскинут
Под вечным куполом небес!
1917

В АЛЬБОМ Н***

Люблю альбомы: отпечаток
На них любезной старины;
Они, как дней иных остаток,
Легендой заморожены.
Беря «разрозненные томы
Из библиотеки чертей»,
Я вспоминаю стих знакомый
Когда-то модных рифмачей.
Он кажется живым и милым
Лишь потому, что посвящен
Виденьям серебристокрылым
Давно развеянных времен.
И, вписывая строки эти
В почти безгрешную тетрадь,
Я верю, что еще на свете
Осталось, для кого писать!
6 марта 1916

П. И. ПОСТНИКОВУ

Что в протоплазме зыблил океан,
Что древле чувствовал летучий ящер,
В чем жизнь была первичных обезьян,—
Всё ты впитал в себя, мой давний пращур!
И плоть живую передал ты мне,
Где каждый мускул, все суставы, кости
Гласят, как знав, о грозной старине,
О тех, что спят на мировом погосте.
Наследие бесчисленных веков,
Мое так мудро слепленное тело!
Ты — книга, где записано без слов
То прошлое, что было и истлело.
Ты говоришь про жизнь в морских волнах,
Про ползанье, летанье, о трехглазом
Чудовище, о гнездах на ветвях...
Блажен, кто слух склонил к твоим расска-
зам!

Блажен, кто понял, вещее, тебя
И, видя человеческую бренность,
Умеет в ней разгадывать, любя,
Природы беспредельной неизменность!
Завидую тому, кто, острый взор
Склонив на эти связки, эти вены,

За ними видит мировой простор
И вечной жизни радостные смены!
16 августа, 1916

К. А. КОРОВИНУ

Душа твоя, быть может, ослепительней,
Чем яркость буйная твоих картин.
И в нашем мире что-то удивительней
Всех пышных красок видишь ты один,
Всех райских сил вожди многокрылатые
Выводят пред тобой свои полки,
А где-то в безднах демоны-вожатаи,
Раскинув крылья, плачут от тоски.
И Дантово виденье, Rosa Mystica,
Стоит всегда, блистая, пред тобой,
Во всех лучах, в дрожаньи каждом листи-
ка,
В любом лице и в девушке любой.
Твои полотна — отзвук еле слышимый
Гармонии, подслушанной в раю;
В них воздухом Эдема смутно дышим мы,
В них прозреваем мы мечту твою.
Как Моисей познал косноязычие,
Ты знаешь невозможность — вое сказать...
Гордись: в твоём бессилии — величие,

В твоей безвольной кисти — благодать!
1916

КЛАВДИИ НИКОЛАЕВНЕ ***

Вы только промелькнули, — аккуратной,
Заботливой и ласковой всегда.

В чем ваша жизнь? Еще мне непонятно...

Да и понятным будет ли когда?

Вы для меня останетесь виденьем

Вне времени; вы в жизнь мою вошли,

Чтоб в ней блеснуть по нескольким мгно-

веньям

И в памяти, как луч, сиять вдали.

Но что ж! Два-три небезучастных слова,

Да столько ж раз — простой и добрый

взгляд:

Ведь это много для пути земного,

Где чаще взоры лгут, слова язвят.

За, может быть, привычное участие,

За общую улыбку, может быть,

Иль, наконец, за ваше беспристрастье —

Мне так отраднo вас благодарить.

И в эти дни мучительной расплаты,

Когда невольной праздности пора

Меня гнетет, — я понял, что солдаты

Влагают в имя нежное «сестра»!

14 августа 1916

ОВ. ИОАННИСИАНУ

В альбом

К тебе приблизиться, то значит —
Вдохнуть души прекрасной свет.
Кто удручен, кто тайно плачет,—
Тот ищет строф твоих, поэт.
В армянской новой жизни начат
Твоим напевом яркий след!
1916

И. ТУМАНЬЯНУ

Надпись на книге

••• **Д**а будет праведно возмездие
Судьбы — и в годах и в веках:
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.
Пусть звезды малые и крупные
Тебя кропят, пронзая тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянью твоему!
25 февраля 1916

МОЕ УПОРСТВО

О, лень моя! ты—вожделенный сад!
Муни

Мое упорство, ты — неукротимо!
Пусть яростно года проходят мимо,
Пусть никнут силы, сломлены борьбой,
Как стебель гордой астры под грозой;
Встаю, иду, борюсь неутомимо!
Моя душа всегда огнем палима.
В дневной толпе и в тишине ночной,
Когда тружусь, когда лежу больной,—
Я чувствую, что крылья серафима
Меня возносят, пламя в клубах дыма;
Над человечеством столп огневой,
Горю своим восторгом и тоской,
И буду я гореть неумолимо!
Пусть яростно века проходят мимо!
4 июня 1916

ПОСЛЕДНИЙ СПОР

Из дневника

Северным ветром взволнован, остужен,
Буйно вздымает валы океан...
Челн мой давно с непогодами дружен.
Близко побережье неведомых стран;
Вкруг, неприветлив, озлоблен и вьюжен,
Буйно вздымает валы океан.
Знаю, что путь мой — неверен, окружен,
Знаю, что смертью грозит ураган:
Челн мой давно с непогодами дружен!
Стелется с берега серый туман,
Пляшут акулы, предчувствуя ужин...
Буйно вздымает валы океан.
Старый Нептун! если дар тебе нужен,
Бей по корме, беспощаден и пьян!
Челн мой давно с непогодами дружен.
Ведал он скалы и мелей обман,
Любит борьбу и недаром натружен...
Буйно вздымает валы океан.
Что ж! Если спор наш последний рассу-
жен,
Кану на дно, — но, лучом осиян,

Строй меня встретит подводных жемчужин!

1916

РОКОВОЙ РЯД Венок сонетов

1. ЛЕЛЯ

Четырнадцать имен назвать мне надо...
Какие выбрать меж святых имен,
Томивших сердце мукой и отрадой?
Все прошлое встает, как жуткий сон.
Я помню юность; синий сумрак сада;
Сирени льнут, пьяня, со всех сторон;
Я — мальчик, я — поэт, и я — влюблен,
И ты со мной, державная Дриада!
Ты страсть мою с улыбкой приняла,
Ласкала, в отроке поэта холя,
Дала восторг и, скромная, ушла...
Предвестье жизни, мой учитель, Леля!
Тебя я назвал первой меж других
Имен любимых, памятных, живых.

2. ТАЛЯ

Имен любимых, памятных, живых
Так много! Но, змеей меня ужала,
Осталась ты царицей дней былых,
Коварная и маленькая Таля.
Встречались мы среди шумов городских;
Являлась ты под складками вуаля,
Но нежно так стонала: «милый Валя»,—
Когда на миг порыв желаний тих.
Все ж ты владела полудетской страстью;
Навек меня сковать мечтала властью
Зеленых глаз... А воли жаждал я...
И я бежал, измены не тая,
Тебе с безжалостностью кинув: «Падай!»
С какой отравно-ранящей усладой!

3. МАНЯ

С какой отравно-ранящей усладой
Припал к другим я, лепетным, устам!
Я ждал любви, я требовал с досадой,
Но чувству не хотел предаться сам.
Мне жизнь казалась блещущей эстрадой;
Лобзанья, слезы, встречи по ночам,—
Считал я все лишь поводом к стихам,
Я скорбь венчал сонетом иль балладой.
Был вечер; буря; вспышки облаков;
В беседке, там, рыдала ты, — без слов
Поняв, что я лишь роль играю, раня...
Но роль была — мой Рок! Прости мне, Маня!

Себя судил я в строфах огневых...
Теперь, в тоске, я повторяю их.

4. ЮДИФЬ

Теперь, в тоске, я повторяю их,
Но губы тяготит еще признанье.
Так! Я сменил стыдливые рыданья
На душный бред безвольностей ночных.
Познал я сладость беглого свиданья,
Поспешность ласк и равный пыл двоих,
Тот «тусклый огонь» во взорах роковых,
Что мучит наглым блеском ожиданья.
Ты мне явила женщину в себе,
Клейменую, как Пасифая в мифе,
И не забыть мне «пламенной Юдифи»!
Безлюбных больше нет в моей судьбе,
Спешу к любви от сумрачного чада,
Но боль былую память множить рада.

5. ЛАДА

Да! Боль былую память множить рада!
Светлейшая из всех, кто был мне дан!
Твой чистый облик нимбом осиян,
Моя любовь, моя надежда, Лада!
Нас обручили гулы водопада,
Благословил, в чужих горах, платан,
Венчанье наше славил океан,
Нам алтарем служила скал громада!
Что б ни было, нам быть всегда вдвоем;
Мы рядом в мир неведомый войдем;
Мы связаны звеном святым и тайным!
Но путь мой вел еще к цветам случайным;
Я Должен вспомнить ряд часов иных...
О, счастье мук, порывов молодых!

6. ТАНЯ

О, счастье мук, порывов молодых!
Ты вдруг вошла, с усмешкой легкой, Та-
ня,

Стеблистым телом думы отуманя,
Смутив узорностью зрачков косых.
Стыдясь, ты требовала ласк моих,
Любовница, меня вела, как няня,
Молилась, плакала, меня тираня,
Проя то перлов, то цветов простых.
Невольню влекся я к твоей причуде,
И нравились мне маленькие груди,
Похожие на форму груш лесных.
В алькове брачном были мы, — как дети,
Переживая ряд часов-столетий,
Навек закрепощенных в четкий стих!

7. ЛИЛА

Навек закрепощенных в четкий стих,
Прорезало немало миггов. Было
Светло и страшно, жгуче и уныло...
Привет тебе, среди цариц земных,
Недолгий призрак, царственная Лила!
Меня внесла ты в счет рабов своих...
Но в цепи я играл: еще ничьих
Оков — душа терпеть не снисходила.
Актер, я падая пред тобой во прах,
Я лобызал следы твоих сандалий,
Я дел терцинами твой лик медалей...
Но страсть уже стояла на часах...
И вдруг вошла с палящей сталью взгляда,
Ты — слаще смерти, ты — желанней яда.

8. ДИНА

Ты — слаще смерти, ты — желанней яда,
Околдовала мой свободный дух!
И взор померк, и воли огонь потух
Под чарой сатанинского обряда.
В коленях — дрожь; язык — горяч и сух;
В раздумьях — ужас веры и разлада;
Мы — на постели, как я провалах Ада,
И меч, как благо, призываем вслух!
Ты — ангел или дьяволица. Дина?
Сквозь пытки все ты провела меня,
Стыдом, блаженством, ревностью казня.
Ты помниться проклятой, но единой!
Другие все проходят за тобой,
Как будто призраков туманный строй.

9. ЛЮБОВЬ

Как будто призраков туманный строй,
Все те, к кому я из твоих объятий
Бежал в безумьи... Ах! твоей кровати
Возжжен был стигман в дух смятенный
мой.

Напрасно я, обманут нежней тьмой,
Уста с устами близил на закате!
Пронзен до сердца острием заклятий,
Я был на ложах — словно труп немой.
И ты ко мне напрасно телом никла,
Ты, имя чье стозвучно, как Любовь!
Со стоном прочь я отгибался вновь...
Душа быть мертвой — сумрачно привык-
ла,

Тот облик мой, как облик гробовой,
В вечерних далях реет предо мной.

10. ЖЕНЯ

В вечерних далях реет предо мной
И новый образ, полный женской лени,
С изнеженной беспечностью движений,
С приманчивой вкруг взоров синевой.
Но в ароматном будуаре Жени
Я был все тот же, тускло-неживой;
И нудил ропот, женственно-грудной,
Напрасно — миги сумрачных хотений.
Я целовал, но — как восставший труп,
Я слышал рысий, истерийный хохот,
Но мертвенно, как законный грохот...
Так водопад стремится на уступ,
Хоть страшный путь к провалу непременно...
нен...

Но каждый образ для меня священен.

11. ВЕРА

Да! Каждый образ для меня священен!
Сберечь бы все! Сияй, живи и ты,
Владычица народа и мечты,
В чьей свите я казался обесценен!
На краткий миг, но были мы слиты,
Твой поцелуй был трижды драгоценен;
Он мне сказал, что вновь я дерзновенен,
Что властен вновь я жаждать высоты!
Тебя зато назвать я вправе «Верой»;
Нас единила общность ярких грез,
И мы взлетали в область вышних гроз,
Как два орла, над этой жизнью серой!
Но дремлешь ты в могильной глубине...
Вот близкие склоняются ко мне.

12. НАДЯ

Вот близкие склоняются ко мне,
Мечты недавних дней... Но суесловью
Я не предаю святыни, что с любовью
Таю, как клад, в душе, на самом дне.
Зачем, зачем к святому изголовью
Я поникал в своем неправом сне?
И вот — вечерний выстрел в тишине,—
И грудь ребенка освятилась кровью.
О, мой недолгий, невозможный рай!
Смирись, душа, казни себя, рыдай!
Ты приговор прочла в последнем взгляде.
Не смея снова мыслить о награде
Склоненных уст, лежал я в глубине,
В смятеньи — думы, вся душа — в огне...

13. ЕЛЕНА

В смятеньи — думы; вся душа — в огне
Пылала; грезы — мчались в дикой сме-
не...

Молясь кому-то, я стибал колени...
Но был так ласков голос в вышине.
Еще одна, меж радужных видений,
Сошла, чтоб мне напомнить о весне...
Челнок и чайки... Отблеск на волне...
И женски-девий шепот; «Верь Елене!»
Мне было нужно — позабыть, уснуть;
Мне было нужно — в ласке потонуть,
Мне, кто недавно мимо шел, надменен!
Над озером клубился белый пар...
И принял я ее любовь, как дар...
Но ты ль, веноч сонетов, неизменен?

14. ПОСЛЕДНЯЯ

Да! Ты ль, венок сонетов, неизменен?
Я жизнь прошел, казалось, до конца;
Но не хватало розы для венца,
Чтоб он в столетьях расцветал, нетленен.
Тогда, с улыбкой детского лица,
Мелькнула ты. Но — да будет покровенен
Звук имени последнего: мгновенен
Восторг признаний и мертвит сердца!
Пребудешь ты неназванной, безвестной,—
Хоть рифмы всех сковали связью тесной.
Прославят всех когда-то наизусть.
Ты — завершенье рокового ряда:
Тринадцать названо; ты — здесь, и пусть
—
Четырнадцать назвать мне было надо!

15. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ

Четырнадцать назвать мне было надо
Имен любимых, памятных, живых!
С какой отравно-ранящей усладой
Теперь, в тоске, я повторяю их!
Но боль былую память множить рада;
О, счастье мук, порывов молодых,
Навек закрепощенных в четкий стих!
Ты — слаще смерти! ты — желанней яда!
Как будто призраков туманный строй
В вечерних далях реет предо мной,—
Но каждый образ для меня священен.
Вот близкие склоняются ко мне...
В смятеньи — думы, вся душа — в огне...
Но ты ль, венок сонетов, неизменен?
22 мая 1916

16. КОДА

Да! ты ль, венок сонетов, неизменен?
Как прежде, звезды жгучи; поздний
час,

Как прежде, душен; нежны глуби глаз;
Твой поцелуй лукаво-откровенен.
Твои колени сжав, покорно-пленен,
Мир мерю мигом, ах! как столько раз!
Но взлет судьбы, над бурей взвивший нас,
Всем прежним вихрям грозно равномерен.
Нет, он — священной: на твоём челе
Лавр Полигимнии сквозит во мгле,
Песнь с песней мы сливаем властью лада.
Пусть мне гореть! — но в том огне горишь
И ты со мной! — я был неправ, что лишь
Четырнадцать имен назвать мне надо.

1920

Примечания

1

Гибельно быть богом (лат.).

[^^^]

2

Горе побежденным! (лат.)

[^^^]

Подруги наши (лат.).

[^^^]

Триумф смерти (ит.).

[^^^]

5

Больше всего остерегаюсь, чтобы кто-либо не удержал вас против воли: выход открыт. Сенека (лат.).

[^^^]

Яд (лат.).

[^^^]